

ПОСЕВ

Не в силе Бог, а в правде!

год издания 65-й

#1588

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№1
2010

Журнал «Посев». Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96, тел./факс: (495) 625-92-48

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

*Г.М. Амнуэль, Ю.К. Амосов,
Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедров,
С.В. Волков, А.Б. Горюнов,
В.Э. Долинин, Е.И. Древинский,
Г.В. Кокушко, О.А. Кузнецова,
С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкирёв,
А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков,
В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, В.Ж. Цветков,
И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.*

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96

Ю.С. Цурганову

Телефон/факс в Москве:
(495) 625-92-48

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@online.ru

http://www.posev.ru

Адрес филиала редакции за рубежом:
Possev, Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-7355; fax 34-3841.
http://www.posev.de
E-mail: possev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

ISSN 0234-8284

Корректор
А.М. Самойлова

Вёрстка
М.Ю. Родионов

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 1 (1588) январь 2010 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

Колонка редактора 2

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Святослав Иванов.

Когда закончится Гражданская война? ... 3

Андрей Пуговкин.

По дороге в исторический тупик. 9

Кирилл Александров.

Хозяин мёртвой буквы 13

Александр Искандарян.

Южный Кавказ между изоляцией
и интеграцией: генезис и перспективы .. 15

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Игорь Ходаков.

Белая идея
и русская военная интеллигенция 19

Евгений Князев.

Трудно быть богом 25

КРАЕВЕДЕНИЕ

Наталья Елисеева.

Кризисный 1989.
Из истории Советского Союза. 30

Сергей Маркедонов.

Горячий август 1999 года:
цена, итоги и уроки 34

Борис Бедров.

Продолжение следует 37

КНИГИ И ЛЮДИ

Борис Пушкирёв.

Энциклопедия офицерства РОА 38

Ростислав Полчанинов.

Русский Белград 40

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Ольга Эдельберг.

III международный кинофестиваль
фильмов Русского Зарубежья 43

Григорий Амнуэль.

2009 – что было... что будет... 44

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ

Содержание номеров за 2009 год 46

14 декабря 2009 года Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата архиепископ Волоколамский Иларион ответил на вопросы журнала «Шпигель». (Интервью опубликовано в № 51 журнала «Шпигель» за 2009 год.) В числе многих вопросов, были и такие:

- Как Вы относитесь к сегодняшней внутрироссийской дискуссии о личности Сталина?
- Мы должны смотреть в глаза исторической правде. Существуют неопровержимые доказательства того, что при Сталине происходили массовые репрессии. Мы, наверное, никогда не узнаем точное количество репрессированных, но речь идет о миллионах расстрелянных, лишенных имущества, изгнанных с родной земли. Это была репрессивная система, которая на протяжении нескольких десятилетий уничтожала свой собственный народ.
- Но сегодня в России вновь раздаются голоса, утверждающие, что у Сталина есть и заслуги.
- Преступлений, которые я назвал, нельзя оправдать ни этими заслугами, ни победой во Второй Мировой войне. Победу в войне одержал не Сталин, а народ.

Данные слова архиепископа трудно переоценить, особенно имея в виду события, начавшиеся уже более года назад. В ноябре 2008-го в средствах массовой информации появилось сообщение, шокировавшее многих: в храме Святой равноапостольной Великой княгини Ольги в Стрельне появилось изображение святой Матроны Московской рядом со Сталиным.

Настоятель храма игумен Евстафий (Жаков) сказал: «...У нас в России полководцы часто благословлялись монахами, блаженными, юродивыми. Вот, например, преподобный Сергей Радонежский благословил полководца Дмитрия Донского на битву. И битва была выиграна. То же самое произошло в Москве осенью 41-го года».

«Речь не идет о его [Сталина] канонизации, – успокоил игумен. – Речь идет именно о почитании великого вождя и руководителя, спасителя страны». «Я с печалью вспоминаю великого человека... Это были лучшие годы в истории СССР. По улицам ходили свободно. Цены снижались ежегодно. Все обитатели нашего дома – рабочие, шофер, пожарный, врачи, мой отец – профессор покупали в магазинах любые продукты – икру, ветчину, семгу. Качество такое, что нынешнее изобилие, несмотря на яркие обертки, кажется пародией. Не было нынешнего разврата. Пели песни и снимали фильмы о любви, но как о трогательной тайне, куда посторонним глазам не надо заглядывать. Сажали? Бывало, но далеко не так много, как об этом пишут... Гонения на Церковь и священнослужителей имели место в основном, до установления единовластия Сталина. Их организаторами выступали те самые старые большевики, которых он уничтожил. Но главное – Русская Церковь гонения эти заслужила. Вспомните приветственные телеграммы, которые шли почти от всех епархий масонскому Временному правительству после свержения Николая II... Такая Церковь должна была очиститься, пройдя через репрессии и страдания. Да, погибли невинные, которые сейчас признаны мучениками, но какое же православное государство без мучеников? Для России счастье, что они есть и заступаются за нее перед лицом Господа!»

«Коммунисты Петербурга» восприняли весть об игумене Евстафии с воодушевлением: «Он творческий человек, истинно верующий, настоящий пример для всех священнослужителей, учитель для всех православных. Мужественный, искренний человек». При этом они идут дальше него: «Мы никогда не отстанем от РПЦ с призывом канонизировать Сталина...» Коммунистами делается предположение: «Если сейчас епархия не станет строго наказывать Евстафия,... и другие священники выйдут из тени».

В Петербурге начали распространяться «иконки» уже непосредственно Сталина. «Эскиз сделала одна художница... она и для церкви иконы пишет. Печатали не в Петербурге, – здесь нам отказали, – а в другом регионе, более патриотическом. Сделали около трех тысяч икон. На бумаге, в рамочке. Распространили их в городе – раздавали, продавали за символическую цену... Все разошлись. Но пока мы их больше печатать не будем: мы ведь хотели только побудить священнослужителей к действию».

Реакция архиепископа Волоколамского Илариона не является единственной в своем роде. Еще во время осуществления проекта «Имя Россия» известный московский священник протоиерей Димитрий Смирнов сказал: «Мне кажется, если так идти до конца, то для начала петербургским коммунистам следовало бы канонизировать Адольфа Гитлера, а уже потом и Сталина. Они современники, большие друзья, подписавшие много исторических договоров, поделив между собой Европу. Поэтому было бы логичнее начинать с Гитлера. Но, если серьезно, то Русская Православная Церковь даже не будет ставить на повестку дня вопрос о «канонизации» Сталина».

Однако слова архиепископа, руководителя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, должно на наш взгляд внести полную ясность.

Святослав Иванов

Когда закончится Гражданская война?

90 лет назад, 24 октября 1919 года, части Белой армии под натиском красной конницы Буденного навсегда покинули Воронеж.

О том, что произошло в те далекие годы под Воронежем становится ясно из этого короткого эпизода.

В декабре 1920 года, на VIII Всероссийском съезде Советов, в беседе с командармом Первой Конной армии В.И. Ленин спросил:

– Вы понимаете, что ваш корпус сделал под Воронежем?

– Разбил противника, – ответил Буденный.

– Так-то просто, – улыбнулся Ленин. – Не окажись ваш корпус под Воронежем, Деникин мог бы бросить на чашу весов конницу Шкуро и Мамантова, и республика была бы в особо тяжелой опасности. Ведь мы потеряли Орел. Белые подходили к Туле...

*Беспримерный рейд эскадронов
Мамонтова*

А начиналось вся эта история летом 1919 года, когда коммунисты терпели одно поражение за другим на всех фронтах. Добровольческая и Донская армии на юге России под командованием генерала Деникина стремительно продвигались к Москве, а Сибирская армия адмирала Колчака вышла к Волге. Казачья конница устремила в исторический рейд по глубоким тылам красной Совдепии...

4-й Донской казачий корпус генерала Мамантова (2500 сабель, 14 орудий, 103 пулемета и 3 броневых автомобиля) переправившись через реку Хопер в районе станции Добрянской, проведя предварительно тщательную разведку, прорвал Южный фронт красных на стыке 8-й и 9-й армий. Казаки легко разбили передовые части 40-й дивизии Южного фронта и продвигаясь вдоль железнодорожного полотна Борисоглебск-Грязи, захватили военный эшелон с мобилизованными в Красную армию крестьянами. И... распустили их. Навстречу казакам были брошены три дивизии красных, снятые с Южного фронта. Потрепав их и частично уничтожив, генерал Мамантов решил занять Тамбов и дать отдых своим казакам. На пути к Тамбову казаки наголову разбивают пехотную дивизию красных и кавбригаду, после чего ворваться в Тамбов уже не составляло труда.

Августовские дни 1919 года в Тамбове были днями ожидания перемен. Большевики спешно покидали город. Только часть латышских стрелков осталась в организованном порядке. Но вдруг с колокольни кладбищенской церкви Петропавловского

кладбища по четкому строю латышей ударил пулемет. Придя в себя, они повели прицельный огонь из винтовок. Пулемет захлебнулся. Когда проникли в храм, а затем и на колокольню, то увидели, что там в луже крови, припав к пулемету, лежало тело настоятеля церкви отца Александра. Латыши сбросили вниз с колокольни тело священника, а вслед за ним и пулемет. Покидая храм, взорвали гранатой иконостас.

Казаки взяли Тамбов, потеряв лишь два десятка конников убитыми и ранеными, красных же только в плен сдалось 15 тысяч, уже слышанных, что Мамонтов не казнит, а отпускает домой. Жители города высыпали на улицу встречать белых. Женщины в слезах целовали пыльных станичников, засыпая их цветами. Позже генерал Мамантов скажет, что нигде его казаков не встречали так хорошо, как в Тамбове. В садах и огородах уже поспевал урожай, и тамбовцы щедро делились им с освободителями.

Казаки размещались в Тамбове на отдых. Рабочие вагоноремонтных мастерских при въезде в город на автомобиле встретили генерала Мамантова хлебом-солью. Он их поблагодарил и попросил с почестями похоронить священника отца Александра. Вечером того же дня Мамантов выступил в клубе железнодорожников с речью перед рабочими вагоноремонтных мастерских, железнодорожниками, гимназистами и молодежью города. После чего добровольцы сразу же стали записываться в народную дружину, примкнув к Белому движению.

Помня душевную встречу, которую тамбовцы оказали казакам, генерал Мамантов распорядился

01/2010

все продовольствие раздать голодающему населению. В первую ночь, как вошли казаки, в Тамбове никто не ложился спать, на улицах шло веселье. На многих домах были вывешены русские национальные трехцветные флаги. За их хранение большевики расстреливали владельцев как контрреволюционеров.

...После ухода из Тамбова казаков в него возвратились коммунисты. Из мужского монастыря Казанской Божьей Матери, где расположилась губернская ЧК, ночи напролет были слышны крики истязаемых людей. Гремели выстрелы. Китайцы, мадьяры и латыши расстреливали горожан. Расстрел шел днем и ночью. В пригородном Трегудевском монастыре был организован концлагерь, в который было брошено 30 тысяч жителей Тамбова. Многие в этом лагере были расстреляны, а другие умерли от истязаний, тифа и голода.

...Из Тамбова казаки направились в Козлов, где тогда у красных был штаб Южного фронта, и откуда несколько дней назад бежал Троцкий. Штаб красного Южного фронта при приближении донцов также сбежал в Орел.

Взятие Воронежа

Из Козлова 26 августа белые эскадроны пошли дальше. Были взяты: Раненбург, Лебедянь, Елец... Там, где проходили казаки, народ встречал их цветами, а в Ельце, например, гарнизон красных, перебив комиссаров, встретил казаков с духовым оркестром. Мамонтовские разъезды замаячили на дальних подступах к Рязани и Туле.

На всем пути партизанского рейда 4-го Донского корпуса, Мамантов уничтожал склады большевиков, взрывал железнодорожные мосты, уничтожал коммуникации. Красные были в панике...

Именно в это время генерал Шкуро вполне серьезно рассчитывал сходу взять Москву. Его оптимизм легко понять. В конце июня генерал въезжал в освобожденный от коммунистов Екатеринослав (Днепропетровск) и наблюдал следующую картину (по его описанию): «Люди стояли на коленях и пели “Христос воскрес”, плакали и благословляли нас. Не только казаки, но и их лошади были буквально засыпаны цветами. Духовенство в парадном облачении служило повсеместно молебны. Рабочие постановили работать на Добармию по мере сил. Они исправляли бронепоезда, бронеплощадки, чинили пушки и ружья. Масса жителей вступала добровольцами в войска. Подъем был колоссальный».

Тем временем, против мамонтовского корпуса большевиками был создан Внутренний фронт. Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую губернии перевели на военное положение. Предписывалось истреблять белых казаков до единого...

3 сентября 1919 года красный Внутренний фронт вокруг корпуса Мамонтова начал сжиматься, и генерал повернул на юг тремя отрядами. 4 сентября отряд Толкушина захватил Задонск, 6 сентя-

бря отряд Постовского взял узловую станцию Каспорную, а отряд самого Константина Константиновича – Усмань. Впереди был Воронежский укрепленный район.

10 сентября корпус Мамонтова снова слился воедино под Воронежем. Три дня казаки по нему палили из пушек. Уличные бои в городе продолжались в течение трех дней: с 10 по 12 сентября. 11 сентября мамонтовцам удалось захватить слободу Чижевку, район Заставы и выйти в центр города. Однако большевики бросили на отбивание города все свои резервы, и Воронеж пришлось оставить.

Генерал Шкуро получил приказ взять Воронеж 6 сентября по старому стилю. А 8 сентября корпуса соединились у Коротояка. «Мамантов, – вспоминал Шкуро, – вел за собою бесчисленные обозы с беженцами и добычей. Достаточно сказать, что я, едучи в автомобиле, в течение двух с половиной часов не мог обогнать их.

Мамантов получил директиву перейти на левый берег Дона и овладеть Лисками, облегчая этим задачу донских генералов Коновалова и Гусельщикова, тщетно атаковавших эту важную узловую станцию. Мамантов допустил крупную ошибку – он перевел на левый берег Дона не только свои войска, но и громадные обозы, имея в тылу у себя лишь единственный узкий мостик. Для охраны своего правого фланга он выставил лишь один конный полк. Вытянувшись в бесконечную колонну по низменному берегу Дона, люди Мамонтова двигались вниз по его течению.

В это время значительные силы красных, занимавших командные высоты, окаймлявшие низменность, перешли в наступление и, сбив фланговый полк донцов, атаковали отряд во фланг.

В этот момент на противоположном донском берегу появился генерал Шкуро. Он скомандовал своему «волчьему» дивизиону, и тот расчистил мост плетями и шашками. Общими усилиями красных с высот над рекой прогнало.

Подвели Мамонтова и туляки-пехотинцы. Это была та Тульская дивизия, сформированная во время рейда из бывших красных, мобилизованных. Теперь на левобережье красные внезапно атаковали их, прижали к Дону и разбили, захватив у них свыше трех тысяч бойцов пленными, всю артиллерию и пулеметы... Пришедшие в себя мамонтовские казаки бросились на выручку своей пехоте. Отняли у победителей артиллерию, часть пулеметов, отбили две тысячи туляков.

Дальнейшее Шкуро описывал так: «Приведя обозы в порядок, Мамантов перевел их обратно на правый берег Дона. Однако мои казаки успели-таки разбить брошенные повозки; многие щеголяли уже в новой одежде и даже в калошах.

Затем мы с Мамонтовым поехали в Коротояк и получили там директивы из штаба: ему опять двигаться на Лиски, а мне взять Воронеж».

24 сентября Шкуро сначала атаковал Нижнедевицк и захватил там в разбитых частях 8-й армии

красного Южфронта свыше семи тысяч пленных, два десятка орудий, много пулеметов. Отвлекаящим маневром от воронежской цели Шкуро повернул на север, где взял Землянк, из которого противник побежал к Воронежу.

Преследуя красных, отступающих к Воронежу, Шкуро подошел к нему на 35 верст, чтобы перемахнуть Дон. В это время «обозный» генерал Мамантов вместе с другими донскими частями все-таки взял Лиски, наконец, выполнив давно поставленную перед ним задачу.

29 сентября мост, наведенный шкуровцами через Дон в районе деревни Гвоздевка, был закончен, части ринулись вперед, а красные открыли по «белому» берегу сильнейший огонь.

Перескочившие на другой берег два кубанских полка не сумели залететь в Воронеж сходу. Он был сильно укреплен несколькими ярусами окопов с густой проволочной сетью впереди. Четыре бронепоезда курсировали по опутавшим город многочисленным железнодорожным путям. На рассвете 30 сентября 1919 года шкуровцы снова попытались взять город, но были отбиты.

В 2 часа этого дня в атаку пошли отборные эскадроны генерала Шкуро. Красные выскакивали из окопов, бежали назад к городу. Их преследовала беспощадная шкуровская конница. Вокзал, с которого бросились удирать и бронепоезда, кубанцы взяли сходу. Завязались ожесточенные уличные бои.

В Воронеже казаки захватили 13 тысяч пленных, 35 орудий, «бесчисленные обозы и громадные склады». Они увидели, как расправилась с воронежцами, недавно восторженно встречавшими проходившего рейдом через город Мамонтова, местная ЧК. Шкуро вспоминал: «Из домов, подвалов и застенков все время вытаскивали все новые и новые, потрясающе изуродованные трупы жертв большевистских палачей. Горе людей, опознавших своих замученных близких, не поддается описанию. Захваченная целиком, местная Чрезвычайная комиссия была изрублена пленившими ее казаками. Также пострадал и кое-кто из евреев, подозревавшихся в близости к большевикам.

В народе ходили слухи о чудесах у раки Святого Митрофания Воронежского, совершавшихся при попытке большевиков кощунственно вскрыть святыню. Часовые-красноармейцы неизменно сходили с ума; у дотрагивавшихся до раки отсыхали руки».

После двух лет красного террора в городе был восстановлен порядок.

«По долгу воина и гражданина...»

Белые продержались в городе 23 дня. Заняв Воронеж, белогвардейцы сразу же восстановили старые названия улиц, сбросили с домов революционные плакаты. Была восстановлена должность губернатора. 4 октября 1919 г. на площади Круглых Рядов (сейчас это небольшой сквер в начале ул. Плехановской) белые публично казнили

нескольких наиболее одиозных защитников «красного Воронежа». В этот день были повешены комендант города П. П. Скрибис, железнодорожный комиссар В. И. Лаврентьев, командир бронепоезда Шлегель, следователи ЧК Иванов и Петров.

... Это был самый пик наступления Вооруженных Сил Юга России 1919 года, когда через полмесяца – 17 октября деникинцы, захватив еще и Чернигов, Орел, Севск, возьмут свою крайнюю точку в этом рывке на Москву: Новосиль уже «предмосковской» Тульской губернии... И вот в эти самые лучезарные воронежские дни Белой армии точно так же, как год назад донские казаки, удалившиеся от своих станиц под Царицын, заворачивали кубанцы. Шкуро засвидетельствовал:

«В городе начала ощущаться некоторая деморализация казаков. До них стали доходить с Кубани неясные слухи о разногласиях между Кубанским народным представительством и Главным Командованием.

– Мы воюем одни, – заявляли казаки. – Говорили нам, что вся Россия встанет, тогда мы отгоним большевиков, а вот мужики не идут, одни мы страдаем. Многие из нас уже побиты. Где новые корпуса, которые обещали? Все те же корниловцы, марковцы, дроздовцы да мы, казаки.

– Вот Рада за нас заступает, да Деникин ее за то не жалуется. Не можем мы одни одолеть всю красную нечисть. Скоро нас всех побьют, тогда опять большевики Кубань завоюют...

Казаки стали стремиться на родину под разными предлогами. Все, кто имел право быть эвакуированным по состоянию здоровья и кто раньше оставался добровольно в строю, теперь стремился осуществить свое право... Некоторые казаки дезертировали, уводя с собой коней и приобретенную мародерством добычу. Иные собирались целыми группами и от моего имени требовали себе вагоны, а то и просто захватывали их силой. Численный состав корпуса стал стремительно уменьшаться и дошел... до 2,5–3 тысяч шашек».

То же самое, сказал генерал Деникин о донцах, о разбегающемся с добытым барахлом корпусе генерала Мамонтова, окончательно подытоживая результаты его рейда:

«Из 7 тысяч сабель в корпусе осталось едва 2 тысячи. После ряда неудавшихся попыток ослабленный корпус... двинулся в ближний тыл Лисок и тем содействовал левому крылу донцов в овладении этим важным железнодорожным узлом.

Это было единственное следствие набега, отразившееся непосредственно на положении фронта. Генерал Мамантов поехал на отдых в Новочеркасск и Ростов, где встречен был восторженными овациями. Ряды корпуса поредели окончательно».

Когда Мамантов уехал в Новочеркасск общее командование конной группой из 3-го конного и 4-го Донского корпусов принял генерал Шкуро. В конце сентября Шкуро был вызван на совещание

01/2010

в Харьков, где получил задание любой ценой удерживать Воронеж.

В город Шкуро вернулся 15 октября, когда красные уже начали Воронежско-Касторненскую операцию, являвшуюся частью осеннего контрнаступления Южного фронта. Против 3-го конного и 4-го Донского корпусов, а также нескольких пехотных частей, приданных им (всего у белых насчитывалось, по данным противника, около 9 тысяч сабель и 800 штыков), к 13 октября красные сосредоточили ударную группировку, в своем составе имевшую 12 тысяч штыков, около 8,5 тысяч сабель, 94 орудия и 351 пулемет.

18 октября в корпусе Буденного состоялась первая корпусная партийная конференция. Два дня Буденный ждал от Шкуро наступления. А потом кто-то из красных командиров предложил написать ему письмо. «Завтра мною будет взят Воронеж, – говорилось в этом письме. – Обязываю все контрреволюционные силы построить на площади Круглых рядов. Парад принимать буду я. Командовать парадом приказываю тебе, белогвардейский ублюдок. После парада ты за все злодеяния, за кровь и слезы рабочих и крестьян будешь повешен на телеграфном столбе, там же, на площади Круглых рядов. А если тебе память отшибло, то напомним: это там, где ты, кровавый головорез, вешал и расстреливал трудящихся и красных бойцов. Мой приказ объявить всему личному составу Воронежского белогвардейского гарнизона. Буденный». Переодевшись в форму белогвардейского капитана, комкор Дундич легко добрался до штаба, представился поручику офицером штаба, передал пакет генералу Шкуро.

Ожесточенные бои, продолжались с переменным успехом до 24 октября, когда части Шкуро, темные численно превосходящими их красными, после непродолжительного боя оставили Воронеж. Телеграмма генерала Шкуро на имя генерала Деникина начиналась так: «По долгу воина и гражданина доношу, что противостоять Конной армии Буденного я не могу...» Не только Шкуро, но и другие свидетели подтверждают, что под Воронежем у Буденного было значительное численное превосходство. Ф. И. Елисеев, полковник Донской армии причину поражения белых под Воронежем видел в следующем: «Самое главное в этой трагедии заключалось в том, что генерала Мамантова не было на фронте; генерал Шкуро вернулся в Воронеж только 5 октября, когда уже разыгрался первый и неудачный для казаков фазис боев; и при нем не было его правой руки по операциям, начальника штаба корпуса Генерального штаба генерала Шифнер-Маркевича. С самого начала корпуса действовали без единого руководства и разбросанно».

3 ноября на станцию Воронеж прибыл агитационно-инструкторский поезд ЦК РКП (б) «Октябрьская революция» во главе с Председателем ЦИК РСФСР М.И. Калининым. В тот же день Калинин выступил на массовом митинге во Дворце

труда на проспекте Революции (Большой Дворянской) (здание бывшей семинарии, в котором ныне находится монтажный техникум). М.И. Калинин провел затем инструктивное совещание с партийным и советским активом, а приехавшие с ним лекторы выступили на рабочих собраниях. Утром 6 ноября поезд «Октябрьская революция» покинул город.

А 7 ноября 1919 года, в день второй годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в газете «Воронежская коммуна» крупным шрифтом были напечатаны следующие слова: «Радуйся, красный Воронеж! В славные октябрьские дни ты снова стал советским городом и таким останешься навсегда».

Тотчас после прихода красных в город прибыла Чрезвычайка, пополненная членами уездных комиссий. Чрезвычайка назначила поголовный обход города с целью выяснения контрреволюционеров, бежавших с казаками. Те семейства, члены которых оказывались налицо, что было большой редкостью, ибо около трех четвертей всего населения покинуло город перед его занятием, оставались в покое. Тех же, родственники или близкие которых были в отсутствии, арестовывали и затем всех поголовно расстреливали. Было несколько случаев, когда расстрелянными оказывались беременные женщины. На месте бывших монастырей были созданы концлагеря. Как считают воронежские историки, в них чекисты на протяжении почти двух десятилетий убивали одного – трех жителей ежедневно.

Вместо послесловия

Особенно широко советский Воронеж отметил «20-летие освобождения Воронежа и области от белых банд». В 1939 году на эти цели распоряжением Совнаркома было выделено четыре миллиона рублей. 24 октября «доблесть защитников Воронежа» в дни 1919 года была увековечена на семи мемориальных досках. Две из них сохраняются до сих пор. Одна из них укреплена у входа в гостиницу «Бристоль» на главной улице города, где осенью 1919 был штаб укрепрайона красных. Другая – на фасаде железнодорожной поликлиники, также на проспекте Революции, указывает место, где «пал смертью храбрых командир Добровольческого коммунистического отряда особого назначения... тов. Смирнов Петр Дмитриевич».

Воронеж, по сути, до сих пор остается советским городом. И дело не только в памятных досках, которые говорят о «героической обороне г. Воронежа от белогвардейских банд Мамантова и Шкуро». Все практически тексты – краеведческие, исторические, в отношении даты 24 октября 1919 года, говорят именно об «освобождении Воронежа». Хотя есть и исключения. Воронежский памятный перекидной календарь (издательство ООО «Пресса ИПФ») указанную дату обозначил так: «90 лет назад (24.10.1919) под натиском красных белая армия оставила Воронеж». Но это капля в море, если

вспомнить, что улицы города сплошь и рядом носят имена красных палачей.

До сих пор стоят памятники вроде бы и проигравшим в итоге красным вождям. В скверике, слева от здания областной Никитинской библиотеки (раньше это место носило название «площадь Круглых рядов») стоит памятник Жертвам белого террора.

При этом, в стране официально признан государственным флагом белогвардейский триколор. А наша партия власти названа одним из самых популярных лозунгов Белого движения: «Единая Россия». Так, кстати, белые называли и свои бронепоезда.

За гражданской войной символов скрываются внутренние противоречия нашей истории и нашей политической жизни.

Накануне памятной даты воронежские коммунисты распространили следующую информацию: «Депутаты фракции КПРФ в областной думе направили в адрес городской администрации письмо с предложением провести в 2009 году реставрацию постаментов памятника В.И. Ленину на главной площади Воронежа и памятника жертвам белого террора. В 2009 году исполняется 90 лет захвата города белогвардейскими бандами Мамонтова и Шкуро, развязавшими жестокий террор против мирных жителей. Большую часть расходов планируется осуществить за счет средств фонда народных избранников от КПРФ».

Своеобразным ответом им стала листовка Русского Общевоинского Союза, Российского Имперского Союза-Ордена и Казачьей станицы «Воронежская» следующего содержания:

*К 90-летию освобождения Воронежа от
большевиков*

30 сентября года отряды Добровольческой Армии под командованием генерал-лейтенанта Андрея Григорьевича ШКУРО освободили Воронеж от большевиков. После двух лет красного террора в городе был восстановлен порядок. На своих митингах рабочие города постановили всецело помогать ген. Шкуро. В Белые полки стали вступать воронежские добровольцы, в числе которых был и отряд из 600 железнодорожников... Месяц удавалось удерживать город, но в конце октября под напором втроекратно превосходящих сил противника, Белые были вынуждены оставить Воронеж. С ними уходили вереницы беженцев... После захвата города большевиками, красный террор вспыхнул с новой силой. Вот лишь некоторые эпизоды большевистских преступлений 1918-20 гг. на воронежской земле:

– 8 февраля 1918 г. Крестный ход с участием нескольких тысяч горожан был расстрелян большевиками из пулеметов.

– В начале 1919 г. были вскрыты и подняты на штыки мощи Святы теля Тихона Задонского и Св.

Митрофана Воронежского. Людей сажали голыми в бочки, утыканные гвоздями, на лбах выжигали пятиконечные звезды, священникам надевали на головы венки из колючей проволоки.

– Монахи Митрофановского монастыря, служившие молебен о победе Добровольческой Армии, были заживо сварены в кипящей смоле. В Митрофановском монастыре и Тихвино-Ануфриевской церкви большевики устроили концлагеря для истребления «неблагонадежных лиц».

– Воронежского архиепископа Тихона (Никанорова) повесили на царских воротах Благовещенского собора, и в течение двух месяцев запрещали хоронить его тело. Все формы народного возмущения жестоко подавлялись красными карателями – убивали всех, включая беременных женщин и детей...

Но до сих пор рядом с Никитинской библиотекой находится образец лживой советской пропаганды – мемориал «жертвам белого террора», которым убийцы прикрывали дело своих рук. На центральной площади стоит памятник главному идеологу истребления собственного народа – В.И. Ленину. Улицы города носят имена палачей.

НЕ ПОРА ЛИ ВОРОНЕЖЦАМ ВСПОМНИТЬ ПОДЛИННЫХ МУЧЕНИКОВИ ГЕРОЕВ, И ОСУДИТЬ, НАКОНЕЦ, УБИЙЦ СВОИХ ДЕДОВ И ОТЦОВ?!»

Это лишь маленький эпизод информационной гражданской войны, которая идет в России. А в последнее время с особой ожесточенностью. Горячие споры вокруг книги протоиерея Георгия Митрофанова, статьи бывшего советского диссидента Подрабиника тому доказательство.

Но в этих спорах вряд ли когда-нибудь родится истина. Как и 90 лет назад, бытие во многом определяет сознание. В приложении к политическому сводке Особого Сопещения при Главнокомандующем Вооруженных сил Юга России от 28 сентября 1919 года сказано: «Настроение крестьян Воронежской губернии характеризуется недоверием и замкнутостью, которые легче всего могут быть побеждены обещанием тех или иных материальных выгод. Не принадлежа ни к какой политической партии, крестьяне терпеливо выполняют распоряжения новой власти, но до явного сочувствия пока еще далеко. Исключение составляет более зажиточный элемент и середняки. Крестьяне этой категории открыто заявляют себя на стороне Добрармии и всячески помогают ей. Крестьянская же беднота сочувствует скорее большевикам, причем наиболее сознательные из ее среды занимаются вредной для нас агитацией против подводной повинности и мобилизации».

В условиях, когда две трети населения области пребывает за чертой бедности трудно бороться с символами большевизма. В стране с чудовищным и беспрецедентным даже для капиталистического мира социальным неравенством выражать сочувствие белым невероятно трудно.

Советский памятник жертвам «белого террора»

Наша правящая верхушка не понимает, что в Испании, к примеру, Гражданская война закончилась не благодаря знаменитому пакту Монклоа, а последовавшей за ним весомой «социальной ориентации» Основного закона. Согласно испанской Конституции, власти обеспечивают «социальную, экономическую и юридическую защиту семьи» (ст. 39), способствуют созданию благоприятных условий для «наиболее справедливого распределения региональных и личных доходов в рамках политики экономической стабильности» (ст. 40), «поддерживают режим публичного социального страхования для всех граждан» (ст. 41), «гарантируют гражданам достойное экономическое существование в старости» (ст. 50). В Основном законе закреплены права на образование (ст. 27), «на труд, на свободный выбор профессии или занятия» (ст. 35), на «охрану здоровья» (ст. 43), «на пользование благоустроенным жильем» (ст. 47) и т.д. В ней признается «свобода предпринимательства в рамках рыночного хозяйства», но одновременно в ст. 128 Основного закона указано, что «все богатства страны в своих различных формах, кто бы ни был их собственником, служат общим интересам», что «закон может резервировать за публичным сектором важнейшие ресурсы или службы, особенно монополии, а также устанавливать право участия в управлении предприятиями, когда этого требует общий интерес». «Государство, – говорится в ст. 131, – посредством издания закона может планировать общую экономическую деятельность в целях удовлетворения коллективных нужд для обеспечения равномерного и гармоничного развития районов и отраслей и стимулирования роста доходов и богатства, а также его наиболее справедливого распределения».

Мы пока только в пути к такому государству. И нам надо спешить. А то, не дай Бог, виртуальные красно-белые споры выйдут опять на улицу. Возвращение в «Россию, которую мы потеряли», невозможно. Отрицать всё, что случилось со страной, глупо. И нам нужно научиться находить и различать русское в советском. На региональном уровне нужна тщательная ревизия всего исторического наследия прошлого века. По крайней мере, памятник жертвам белого террора в Воронеже необходимо демонтировать и убрать памятные доски, односторонне трактующие революционные события.

В первую очередь ввести двойные названия для тех улиц, которые носят одиозные имена красных палачей. А постепенно, не обременяя жителей расходами, избавиться от названий улиц, носящих имена Свердлова, Урицкого, Землячки, Володарского и других. Прежде всего, надо вернуть исконные названия улицам, на которых находятся действующие православные храмы.

Надо заканчивать Гражданскую войну в России. И чем быстрее, – тем лучше. Без этого не будет развития, не будет будущего. Кому по силам эта работа? Я думаю, на местах губернаторы, которые сегодня меньше зависят от красного электората, должны создать специальные комиссии по пересмотру всего спектра проблем, связанного с советским наследием. В гражданской войне героев не бывает. Но каждая губерния, каждый город богат именами, которые заслуживают почестей вне политических споров.

В следующем году Воронеж будет отмечать 425-летие со дня основания. К этой дате известный скульптор Александр Козинин предложил на одной из центральных площадей города установить памятник основателю и первому воронежскому воеводе Семену Сабурову. Проект памятника понравился воронежскому губернатору Алексею Гордееву.

И дай Бог, чтобы установка памятника первостроителю Воронежа стала началом новой традиции. Когда наши земляки, которым города обязаны своим существованием, станут главными фигурами главных площадей, вот тогда и закончится гражданская война символов. Логика, казалось бы, элементарная. Но почему так долго она пробивает себе дорогу?

Андрей Пуговкин

По дороге в исторический тупик

Публичные выступления Дмитрия Медведева свидетельствуют, что российские власти признают необходимость ускоренного преодоления экономической отсталости страны. Положение российской науки заставляет сомневаться в перспективах такого исторического рывка.

1990-е годы для российской науки были очень тяжелым временем. Переход к рыночным отношениям выявил организационную отсталость и экономическую несостоятельность унаследованной от СССР системы. Эта система была основана на сметном бюджетном финансировании, организационном разъединении НИИ и вузов, крайней милитаризации, неоправданной секретности и государственной монополии на результаты научных исследований.

Опыт выживания

Современная наука стоит очень дорого. Рекорд принадлежит стоимости строительства новейшей экспериментальной установки в области ядерной физики – большого адронного коллайдера, которая составила более 6 млрд. долларов. Даже США, где финансовые возможности государства несопоставимо превышают российские, госсектор обеспечивает только треть проводимых в стране исследований. Остальные средства представляют собой капиталовложения в заказные проекты со стороны частных корпораций – напрямую или через негосударственные фонды. Такое финансирование представляет собой не благотворительную, а инвестиционную деятельность, что существенно влияет на выбор тематики исследований.

К концу минувшего века во всем мире наметилась явная стагнация в области фундаментальных научных исследований. Возникло мнение, что современная наука приблизилась к физиологическим пределам человеческого восприятия окружающего мира. «Наше знание многих областей физики и химии – писал один из крупнейших ученых XX века, Нобелевский лауреат Френсис Крик – сейчас настолько полное и находится на столь прочных основаниях, что их основные особенности, возможно, уже нам известны». Одновременно вырос социальный заказ на прикладные исследования, финансирование которых напрямую зависит от себестоимости и предполагаемой коммерческой ликвидности результатов. Как результат, в современном обществе взаимопроникновение науки и бизнеса представляет собой естественный и неизбежный процесс. Так, стоимость международного проекта по расшифровке генома человека составила, по разным оценкам, от 1 до 5 млрд. долларов, причем она была существенно снижена благодаря включению в него

частной фирмы Celera Genomics. Немедленно после успешного завершения исследований началось коммерческое внедрение результатов, которое, как уже очевидно, очень скоро окупит все понесенные затраты.

Нравится это кому-то или нет, но в течение последних десятилетий так живет весь научный мир. Результатом стала научно-техническая революция второй половины XX в. В СССР развитие шло в противоположном направлении: к середине 1980-х годов даже сверхплановые «хоздоговорные» исследования, ранее разрешенные в рамках «косыгинской» реформы, находились на стадии свертывания.

Сокращение бюджетного финансирования в 1990-х поставило российскую науку на грань выживания. Администрация научных учреждений и вузов оказалась к этому не готова хотя бы потому, что состояла из деятелей, привыкших к совершенно иным условиям работы. В своих воспоминаниях покойный мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак нарисовал портрет далеко не худшего руководителя советского НИИ: «...оборонщик», избалованный в недрах военно-промышленного комплекса фондами и вовремя выделяемыми лимитами, а главное – почти абсолютной властью над подчиненными». Директора академических институтов были менее избалованы масштабами казенного финансирования, а в остальном и они соответствовали этому портрету. До ухода в политику наставник Владимира Путина заведовал университетской кафедрой хозяйственного права и в силу этого хорошо знал, о чем говорит.

Оказавшись в безвыходном положении, директора НИИ и ректоры вузов постепенно свыклись с двумя новыми видами хозяйственной деятельности. Один представлял собой практику сдачи в аренду объектов недвижимости – кафе, гостиниц, медицинских и рекреационных учреждений, благо такого добра на балансе разных «управлений делами» и отдельных учреждений накопилось немало. Этот род коммерции быстро стал рассадником злоупотреблений, при этом пользуясь неизменной поддержкой научной бюрократии включая руководство Российской Академии наук.

Одновременно начали развиваться внебюджетные источники финансирования за счет грантов зарубежных и отечественных фондов, а также коммерческого внедрения результатов исследований. На арендованных площадях стали возникать компактные высокотехнологичные частные предприя-

* Андрей Пуговкин – доктор биологических наук, пресс-секретарь Санкт-Петербургского союза ученых.

тия, деятельность которых соответствовала профилю арендодателей, а источники финансирования находились вне этих учреждений, часто за границами Российской Федерации. Руководители вузов и НИИ к своим потенциальным конкурентам с самого начала относились с подозрением, но деньги за аренду (в том числе, свой персональный «откат» наличными в конвертах), до поры до времени принимали.

Модернизация научно-образовательного комплекса происходила недопустимо медленно, при полнейшем равнодушии и отсутствии поддержки со стороны властей. Устаревшие советские формы организации, включая архаичную систему присвоения ученых степеней и знаний, к прогрессу не располагали. Это в немалой степени способствовало эмиграции либо уходу из профессии молодых способных исследователей. За 1990–2005 годы численность ученых в Российской Федерации уменьшилось примерно вдвое. При этом, лишь около 80 тысяч (примерно 2% от общего числа научных работников) навсегда покинули страну. Из них на 2002 год около трех тысяч все еще числились в долгосрочных командировках, оставаясь сотрудниками российских учреждений. Значительно больше ученых было потеряно внутри страны не столько из-за низких окладов, сколько из-за того, что им не позволяли внести в профессиональную деятельность даже отдельные элементы рыночных отношений. Руководители вузов и НИИ занимались тем, что они называли «сохранением научных школ и коллективов». Малейшие попытки привести индивидуальные творческие планы и направления научных исследований в соответствие с экономическими реалиями наталкивались на стандартный ответ: «не нравится – уходите». Следуя этой рекомендации, перспективные специалисты, которые могли бы на рабочем месте сделать Россию технологически современной, постиндустриальной страной, меняли профессию или уезжали за рубеж.

Солдафонский стиль руководства образовательными и научно-исследовательскими учреждениями с годами только укреплялся. «В России бюрократия совершенно не считается со временем, чувством достоинства и регалиями научных работников – говорит известный российско-израильский физик, лауреат Гумбольдтовской премии профессор Мирон Амусья – давно и напрочь забыто, что не будь этих людей, бюрократия научно-образовательного комплекса просто осталась бы без работы. Сейчас она процветает, растёт численно и территориально, занимая всё большие и лучшие помещения, претендуя и получая сопоставимую с остепенённым научным сотрудником зарплату, а нередко и намного её превосходящую. При этом бюрократия выполняет в основном контрольно-ограничительную работу, проводя в жизнь идущие сверху распоряжения, иногда просто абсурдные, абсолютно ничем не способствуя реализации тех це-

лей, во имя которых созданы университеты и исследовательские центры».

Письма «лишнего человека»

Международное сотрудничество является обязательной частью научной работы. Оно особенно важно для России, поскольку оснащение наших лабораторий устарело, изношено и на его обновление понадобятся долгие годы и огромные деньги. После крушения «железного занавеса» в стране появилась генерация ученых, способных самостоятельно выходить с предложениями на международный рынок. Многие из них почти постоянно работают за границей, другие большую часть времени проводят в России, а третьи переезжают из страны в страну в зависимости от условий очередного контракта. Именно такие люди во всем мире определяют лицо нашей науки.

В сентябре 2009 года более ста российских ученых, постоянно работающих за рубежом, обратились с открытым письмом к президенту Дмитрию Медведеву, премьеру Владимиру Путину и членам совета по науке, технологиям и образованию при президенте РФ. Обращение озаглавлено: «Фундаментальная наука и будущее России». Нынешнее состояние российской науки охарактеризовано в нем как катастрофическое: «Среди наиболее острых проблем фундаментальной науки и образования выделим следующие:

- существенное отставание российской науки от науки мирового уровня.
- отсутствие стратегического планирования с постановкой ясных целей.
- неадекватность финансирования активно работающих ученых, резкое падение престижа научных профессий, связанная с этим проблема кадров – серьезное снижение стандартов в преподавании естественнонаучных дисциплин, ухудшение качества подготовки студентов и аспирантов»

Судя по занимаемым должностям, письмо подписали не «свадебные генералы» и не вчерашние аспиранты, а ученые, находящиеся в расцвете профессиональной карьеры и работающие в крупнейших научных центрах Европы и Северной Америки. Случайно или нет, но документ появился именно тогда, когда с нашей научной диаспорой на Западе, особенно в США, стали активно работать профессионалы, привлеченные российскими властями для «исправления» экспортного образа Кремля. Как бы то ни было, письмо и содержащиеся в нем предложения вызвали заинтересованную реакцию не только у научной общественности, но и у руководства страны. Неудовольствие выразили только некоторые функционеры Российской Академии Наук.

По пути в светлое прошлое

Попытки создания системы целевого финансирования исследований, предпринятые при участии фондов Дж. Сороса, Всемирного банка, влиятель-

ной международной организации INTAS и других институтов, встретили непонимание со стороны российского бизнеса и открытый саботаж со стороны руководства научных учреждений. Слишком влиятельные и корпоративно сплоченные силы оказались заинтересованы в сохранении советского «сметного» бюджетного финансирования, бесконтрольной коммерческой эксплуатации объектов недвижимости и другого имущества. Разновидностью такого имущества администраторы, по-видимому, считали и собственных сотрудников, целенаправленно препятствуя совмещению ими исследовательской работы с бизнесом, политикой или работой в сфере платных образовательных услуг.

Как только к середине 2000-х годов бюджетное финансирование, благодаря временному улучшению экономической обстановки, стало медленно расти, руководство вузов, НИИ и Академии Наук предприняло солидарные усилия по сокращению внебюджетного сектора. Были вытеснены из страны международные и свернуты отечественные научные фонды. Вузы, внедрившие гибкую и экономически целесообразную двухступенчатую систему подготовки по схеме «бакалавр-магистр», встретили obstruction при трудоустройстве выпускников, решивших закончить обучение с дипломом бакалавра. Административными решениями руководства вузов почти прекратился коммерческий набор иностранных студентов помимо межправительственных соглашений. Обросла новыми бюрократическими формальностями и без того малоэффективная система обучения в аспирантуре (автор этих строк, оформляя недавно научное руководство работой заочного аспиранта, вынужден был около 30 раз поставить свою подпись под различными документами). Целенаправленно разрушен чуть ли не единственный эффективный механизм социальной защиты ученых – выборное замещение должностей.

В то же время, несмотря на «нефтяной бум», существенного увеличения капиталовложений в основные фонды и техническое перевооружение научных учреждений не произошло, если не считать эпизодических закупок современной аппаратуры под конкретные исследовательские программы и косметический ремонт зданий некоторых вузов. Российские НИИ по-прежнему представляют собой учреждения, где пожилые исследователи, в условиях профессиональной вредности пытаются работать на изношенной и безнадежно устаревшей аппаратуре. До сих пор не отрегулированы вопросы, связанные с сохранением государственной и коммерческой тайны. Результатом стала серия «шпионских» судебных дел против ученых, работавших по международным грантам. Это способствовало свертыванию международных контактов, в первую очередь, с бывшими сослуживцами, работающими за рубежом.

Громоздкая и малоэффективная система, которой страна во многом обязана своей научно-технической отсталостью, оказалась весьма дееспособной во всем, что касается ее самосохранения. Именно руководство РАН, и «отраслевых» академий (медицинских, сельскохозяйственных наук и образования) вместе с ректорским корпусом высшей школы несет главную ответственность за многолетний системный кризис отечественной науки. Поэтому, как и предсказывали многие специалисты, значительное увеличение финансирования в последние годы, включая рост оплаты труда, не остановило ни деградацию технической базы, ни старение научных кадров, ни «утечку мозгов».

«Полное принесение в жертву интересов научного работника в угоду удобства институтской или университетской бюрократии – явление в развитых странах крайне редкое – продолжает профессор Амусья – Кардинально иначе обстоит дело в России. А потому нечего удивляться обилию российских фамилий с нероссийским местом работы. И это не проявление транснационального характера науки. Это строго направленный процесс усиления наук тех стран, где работать удобно и приятно за счёт того места, где наука в иерархии оказалась ниже её услуги».

А тем временем руководство страны широко рекламировало целый ряд «наукоемких» государственных программ и национальных проектов. Насколько велика эффективность вложенных таким образом астрономических капиталов? Результаты выстраиваются в малоутешительный ряд: ракеты «Булава» и «Ангара» так и не летают, навигационная система ГЛОНАСС хронически «глючит», а автомобили ВАЗ нового поколения не навязать потребителю никаким протекционизмом. Выжившие со времен СССР ориентированные на ВПК, громоздкие отраслевые научно-производственные комплексы в большинстве оказались не подлежащими конверсии из-за различий в эксплуатационных требованиях к военной и гражданской продукции.

К этому печальному списку следует добавить дорогостоящую скандальную затею с внедрением Единого государственного экзамена для школьников. Этот экзамен, по образцу большинства стран мира, должен был заменить продажную и абсолютно разложившуюся советскую систему конкурсных экзаменов в вузах. Нововведение потерпело фиаско из-за деградации системы среднего образования, коррумпированности исполнительной власти в регионах и правового нигилизма населения. Объективная система аттестации выпускников средних учебных заведений, как оказалось, в стране никому не нужна.

Воспоминания о будущем

В результате экономического кризиса бюджетное финансирование научных исследований в Рос-

01/2010

сии стало сокращаться, а внебюджетное, как уже сказано, было искусственно подорвано еще в предшествующие годы.

В государственном бюджете на 2010 год ассигнования на фундаментальные научные исследования составляют 95% от прошлогоднего уровня. (Абсолютные величины параметров бюджета-2010, выраженные в рублях, доступны на сайте www.duma.gov.ru.) Сходные пропорции предусмотрены в проекте годового бюджета Российской Академии Наук. Одним из немногих российских научных фондов, который, несмотря на многочисленные бюрократические ограничения, продолжает конкурсное финансирование по грантам, остается Российский фонд фундаментальных исследований. В 2009 году государственные ассигнования, распределяемые через этот фонд, уже были уменьшены на 30%, а в 2010 г. ожидается их сокращение еще наполовину.

Затраты на научные исследования входят как составная часть в некоторые другие открытые статьи бюджета, но и там картина представляется малоутешительной. Расходы на образование, культуру, здравоохранение и охрану окружающей среды на 2010 г. предусмотрены в размере 91–97% от уровня 2009 года. В действительности, снижение будет существенно более значительным, поскольку один нынешний рубль на начало 2010 г. составил около 80 копеек начала 2009 г. с учетом 25% девальвации и некоторого последующего укрепления курса российской валюты. Никакой индексации зарплат ученых и преподавателей бюджетом не предусмотрено.

Происходящие у нас на глазах административные попытки «вписать» учреждения Российской Академии Наук и ведущие университеты страны в вертикаль исполнительной власти могут припугнуть академическую номенклатуру и ректорского корпус, но эффективности финансирования научных исследований не увеличат. Реальной государственной стратегии в этой области как не было, так и нет. Законодательно закрепленная не так давно идея создания малых предприятий при НИИ для коммерческого внедрения результатов исследований опоздала на двадцать лет. Там, где администрация научных учреждений в этом заинтересована, соответствующие механизмы давно отработаны в соответствии либо в обход существующего законодательства. Там же, где такой заинтересованности нет, создание «придворных» малых предприятий, как когда-то кооперативов и центров НТТМ при госпредприятиях, неизбежно станет лишь дополнительным источником коррупции и обналичивания бюджетных средств.

Денег, которых требует любое мало-мальски серьезное, а не бутафорское реформирование научно-образовательного комплекса, судя по показателям очередного госбюджета, в стране тоже нет. Если господствующие тренды сохранятся, на будущем фундаментальной и прикладной науки в Россий-

ской Федерации можно окончательно поставить крест.

Иная тенденция наблюдается в области ассигнований на национальную безопасность, правоохранительную деятельность и оборону. Здесь размеры финансирования увеличены до уровня 103–106% от прошлогодних не считая закрытых статей бюджета. Справедливости ради следует сказать, что такое относительное увеличение включает частичную индексацию с учетом обесценивания рубля. Тем не менее, сравнение приведенных цифр по двум группам статей бюджета четко обозначает предпочтения нынешних российских властей. Бюджет 2010 года – кризисный и дефицитный, в котором, как утверждают его составители, минимизированы второстепенные и необязательные расходы. В результате, в нем расходы на оборону превышают расходы на охрану окружающей среды в 46.8 раз, а расходы на безопасность и правоохранительную деятельность (в условиях общепризнанного тотального распада правоохранительной системы) больше расходов на культуру в 6.8 раз. Остается добавить, что на поддержку госкорпораций (тех самых, по поводу вороватой неэффективности которых президент Медведев сокрушался в своем ежегодном послании) предусмотрено в 10 раз больше средств, чем на все инновационные проекты в области здравоохранения, образования и культуры вместе взятые.

Кризис стал «моментом истины». Он выявил истинные политические приоритеты современной России, руководителей которой кое-кто даже на Западе готов признать «национально ориентированными лидерами». Складывается впечатление, что авторы бюджета живут в стране, находящейся в смертельной опасности из-за внешних и внутренних угроз. Официальные документы умалчивают, кого так боятся правители России. Российская военная доктрина допускает использование Вооруженных сил во внутренних конфликтах, за рубежом без объявления войны и одностороннее применение ядерного оружия, в том числе, против «неядерных» стран. С подобными амбициями, как писал Владимир Высоцкий, «финиш – горизонт, а лента – край Земли». Только теперь не 1946 год, и противником в новой «холодной войне» может оказаться все человечество.

Последняя историческая аналогия не случайна. Эволюция современного российского государства содержит в себе несомненную внутреннюю логику. Это не логика развития страны, устремившейся в технологический прорыв III тысячелетия. России упорно навязывают облик «достойной» наследницы Советского Союза, который баронесса Маргарет Тэтчер тридцать лет назад назвала «Верхней Вольтой с межконтинентальными ракетами». Наука XXI века, наука без «шарашек» и закрытых «почтовых ящиков» такой стране не нужна.

Кирилл Александров

Хозяин мёртвой буквы

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНѢ ОФИЦИАЛЬНОГО РОЖДЕНИѢ ИОСИФА СТАЛИНА

В 1917 году большевики дали русскому народу право на бесчестие. В этом заключался секрет их политического успеха. Попрание свободы, личности и семьи, отрицание институтов права и собственности, беспримерные гонения на Церковь и близких были ничем иным как побуждением к всероссийскому отречению от Христа и восстанию против Бога. В итоге большевизм – мучительная социальная болезнь, а ленинская утопия – псевдорелигиозный соблазн.

В 1918 году на IV съезде Советов Ленин открыто признал: «Россия завоевана большевиками». Сталин осуществил криминализацию политического режима. В этом одна из важных причин его личного успеха. Абдурахман Авторханов, бывший член Чечено-Ингушского обкома и знаток истории ВКП(б) так оценил итоги внутрипартийной борьбы 1920-х годов. В схватке за ленинское наследство победил «гениальный уголовник от политики, государственные преступления которого узаконивало само государство. Из амальгамы уголовщины с политикой и родился уникум: сталинизм». Восхождение кавказского большевика «Кобы» к партийной вершине началось с успешных операций по ограблению почтового поезда в Чиатури и банковского транспорта в Тифлисе в 1906–1907 годах. Объективно Сталин оказался ленинцем больше, чем сам Ленин и мастером власти больше, чем все члены Политбюро и ЦК вместе взятые. Но главный секрет политического долгожития кавказского налетчика заключался не в его административных способностях. А в сыгранной в истории ВКП(б) функциональной роли.

В 1922 году ленинская партия уже представляла собой милитаризованную организацию особого типа, опиравшуюся на меньшинство населения и отличавшуюся орденской дисциплиной. Только в однопартийном государстве могла сложиться и получить развитие привилегированная социальная группа, названная Иваном Ильиным какистократии

ей – «властью худших». Кровопролитная гражданская война велась большевиками во имя ликвидации классового неравенства. На деле победа ленинцев привела лишь к неограниченной диктатуре одного, «нового класса», состоявшего, в первую очередь, из освобожденных партийных работников. К концу 1930-х годов номенклатура коммунистической партии насчитывала почти 200 тыс. человек. Исключительно им принадлежали реальная власть, многомиллиардная собственность, гигантский репрессивный аппарат и труд закрепощенного населения. Они контролировали цены, зарплаты, уровень жизни, потребления и занятости советских людей. Результаты принудительного труда во всесоюзном масштабе «новый класс» перераспределял в своих корпоративных интересах. Единственная цель номенклатуры заключалась в том, чтобы укреплять государственную модель, которая бы и далее гарантировала неприкосновенность ее коллективной собственности, растущих привилегий, а также сохраняла возможность эксплуатации богатой страны.

Сталин олицетворял и выражал консолидированную волю «нового класса». Он мог манипулировать съездами, уничтожить любого партийца, инициировать кадровые чистки и перестановки. Но не мог игнорировать солидарные интересы номенклатуры, тем более избавиться от нее. В последний год жизни сумасбродные планы и намерения Сталина вступили в непримиримый конфликт с консервативными настроениями «нового класса», не желавшего новых репрессий и войн. В итоге в закулисной противостоянии победил не вождь, а аппарат. Пожалуй, это был единственный случай, когда реальные интересы номенклатуры и населения совпали.

Идею революционера Сергея Нечаева об объединении соратников при помощи коллективной ответственности за пролитую кровь Сталин воплотил во всесоюзных масштабах. С начала коллективизации за принадлежность к номенклатуре приходилось расплачиваться соучастием в массовых убийствах и других преступлениях. Хлебозаготовительные кризисы 1927–1928 годов показали, что сосуществование «нового класса» и независимых крестьян, свободных производителей продовольствия, невозможно даже в краткосрочной перспективе. Полное раскрепощение частной хозяйственной инициативы в СССР и отказ партии от контроля за экономикой означал бы конец псевдосоциалистического эксперимента. Сталин недаром объявил традиционное крестьянство «таким классом, который выделяет из своей среды, порождает и питает

*В воскресенье 20 декабря с 17 до 18 часов на радио «Эхо Москвы» состоялся прямой эфир К. Александрова с Евгением Киселёвым о генерале А.А. Власове. Инициатива «Эха» и Е. Киселёва. Кроме того, в тот же день Виталий Дымарский, ведущий рубрики «Цена победы» записал с К. Александровым интервью по теме «Офицеры генерала Власова». В газете «Санкт-Петербургские ведомости» вышла статья К. Александрова к 130-летию со дня официального рождения И.В. Сталина (на самом деле Сталин родился не в 1879, а в 1878-м году), которая публикуется в качестве другой точки зрения в противовес статье 1-го секретаря Ленинградского обкома КПРФ Юрия Белова. К сожалению, редакция сократила текст. Полная авторская версия представлена ныне читателям «Посева». Курсивом выделены фрагменты, которые были сокращены редакцией газеты «Санкт-Петербургские ведомости» при подготовке материала к публикации.

01/2010

капиталистов, кулаков и вообще разного рода эксплуататоров».

Вероятный крах ВКП(б) и контрреволюционная реакция создавали реальную угрозу личной безопасности для десятков тысяч высокопоставленных коммунистов. «Наше положение, особенно когда уже Ленина не было, стало очень опасным», – позднее вспоминал Молотов. В кратчайший срок партии надлежало силой превратить крестьян-домохозяев в крепостных батраков, бесправных сельскохозяйственных рабочих, прикрепленных к государственным предприятиям по обработке земли. 80 лет назад, 30 января 1930 года по инициативе Сталина и Молотова члены Политбюро приняли драконовское постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Раскрестьянивание России и новый этап расказачивания превратились в народное бедствие. Советский Союз понес миллионные человеческие жертвы и многомиллиардные финансовые убытки. Только потери животноводства в 1928–1933 годах ныне оцениваются в 3,4 млрд. золотых рублей (в ценах 1913 года!). Навязанная деревне сталинская колхозная система оказалась совершенно нерентабельной. Но зато она на десятилетия гарантировала «новому классу» прочность положения. Именно поэтому Молотов честно считал «успех коллективизации значительней победы в Великой Отечественной войне».

Раскулачиванию подверглись не менее миллиона крестьянских хозяйств (5–6 млн. человек). С 1930 по 1940 годы из родных мест большевики депортировали и принудительно выслали в отдаленные районы СССР около 4 млн. человек. Многие из них (по ряду оценок до 1,8 млн.) погибли на этапах, в спецпоселках, в побегах, пали жертвами произвола. От 50 тыс. до 100 тыс. крестьян погибли в 1930–1932 годах при подавлении сталинцами вооруженного сопротивления на селе. По донесениям органов ОГПУ в 1930 году в СССР состоялись 13 453 массовых крестьянских выступления (в том числе 176 повстанческих), 55 открытых вооруженных восстаний. В них участвовали почти 2,5 млн. человек. Война против деревни завершилась полной экспроприацией урожая 1932 года в некоторых регионах, осуществленной по решению сталинского Политбюро. Искусственный голод (голодомор), поразивший зимой 1933 года Украину, Дон, Северный Кавказ, Западную Сибирь, Поволжье, Казакскую АССР по оценкам разных специалистов унес примерно 6,5 млн. человеческих жизней. Главное «достижение» сталинских пятилеток выразилось в массовом истреблении крестьянского населения.

Сталин не просто грозил врагу уничтожением, он публично обещал «уничтожать весь его род, его семью». В 1801 году Александр I отменил пытки в России. Спустя 150 лет в сталинском государстве истязания арестованных выглядели так же буднично как и колхозные трудодни. По состоянию на 1 января 1911 года в Российской империи находи-

лись в заключении 174 733 человека (0,1 % населения страны), в том числе всего 1331 политический преступник. На 1 января 1939 года в лагерях, тюрьмах и колониях НКВД, а также в режимных спецпоселках содержались 3,1 млн. человек (1,6 % населения), из них более 1,6 млн. – «контрреволюционеры», депортированные и раскулаченные. Судя по опубликованной статистике смертности заключенных, всего в 1930–1953 годах в ГУЛАГе погибли не менее 1,7 млн. человек.

Расстрелы «врагов народа» носили массовый характер и помимо ежовщины. За «контрреволюционные преступления» органы ОГПУ–НКВД расстреляли в 1930–1936 и 1938–1940 по официальным данным 40 тыс. человек. Причины «ежовщины» (1 октября 1936 – 1 ноября 1938) были связаны с намерениями Сталина локализовать негативные для власти последствия насильственной коллективизации и подавить протестные настроения. Главными жертвами вновь стали крестьяне – бывшие раскулаченные, ссыльные, колхозники и единоличники. С 1 октября 1936 года по 1 июня 1938 года органы НКВД расстреляли 556 259 человек, в том числе 331 456 крестьян (59,5 %). За ними следовали рабочие, служащие, бывшие «активные контрреволюционеры», верующие, а всего жертвами ежовщины пали 680 тыс. граждан. Экспессы порой принимали средневековый характер. *В 1937–1938 годах в Вологодском УНКВД исполнители, с ведома начальника-орденоносца, майора госбезопасности Сергея Жупахина, осужденным к расстрелу рубили головы топором. Интересно, что в 1937–1939 годах в Германской империи Народный трибунал (Volksgericht) – чрезвычайный судебный орган национал-социалистического рейха по делам о государственной измене, шпионаже и других политических преступлениях – осудил всего 1709 человек и вынес лишь 85 смертных приговоров.*

В 1930-е годы подлинная катастрофа постигла Православную Российскую Церковь. В 1937–1941 годах в СССР были репрессированы 175 800 клириков и активных прихожан, из них расстреляли 110 700 человек. Абсолютное большинство расстрелов (106 800) приходится на 1937–1938 годы. К 1917 году в Православной Российской Церкви насчитывались 146 тыс. священнослужителей и монашествующих, действовали почти 56 тыс. приходов, более 67 тыс. церквей и часовен. В 1917–1939 годах из 146 тыс. священнослужителей и монашествующих власть истребила более 120 тыс. К осени 1939 года в Советском Союзе оставались действующими лишь от ста пятидесяти до трехсот православных приходов и не более 350 храмов.

Война, в которой по выражению писателя-фронтовика Виктора Астафьева, Сталин и Жуков «сожгли в огне войны русский народ и Россию», лишь довела народное горе до крайности. «России, попросту не стало. Страшно произносить, но страна-победительница исчезла, самоуничтожилась, и этому исчезновению и самоуничтожению и продолжа-

ющемся неумолимому самоистреблению шибко помогли наши блистательные вожди, начиная со Сталина, – писал Астафьев, – *Только преступники могли так сорить своим народом! Только недруги могли так руководить армией во время боевых действий, только подонки могли держать армию в страхе и подозрении*».

Никто не потребовал у Сталина отчета за порочное сближение и дружбу с нацистами в 1939–1940 годах, за ценную помощь, оказанную Гитлеру в его далеко не «странной войне» в Европе. Никто не спросил со Сталина, как государственного лидера, за установление общей границы с рейхом и огромные потери в 27 млн. человек. В 1930-е годы СССР превратился в один огромный цех по выпуску военной продукции. Но никто не спросил у кремлёвского горца, почему же, несмотря на всю внешнюю мощь, колоссальные силы и средства Красной армии, войска Германии, сражавшейся, кстати, против коалиции великих государств, достигли не только Москвы и Ленинграда, но и кавказских хребтов?... *Сталин несет полную ответственность за подготовку к войне и предвоенную политику, бессмысленно погубленные солдатские жизни, за судьбы миллионов соотечественников брошенных в оккупации, за невосполнимые жертвы армии и населения. Население неуклонно «убывало» и после войны – голод 1947 года, борьба с повстанцами в западных областях СССР, избыточная смертность в нищих колхозах, избирательные репрессии... И все это на фоне номенклатурного благополучия.*

По сравнению с физическим опустошением страны не менее разрушительные последствия имело опустошение духовно-нравственное, привнесенное в наш народ при Сталине принудительным лицемерием. Каждодневная и обязательная ложь, быстро входившие в привычку двоемыслие и цинизм, искусственный энтузиазм, демонстрация «общественно-полезной», но насквозь фальшивой активности раз-

рушали дух и душу не менее чем бытовая нищета, страх и подневольный труд. В липкой паутине лживых слов, лозунгов и образов человек оказывался бесильным, по словам Бориса Пастернака, перед «колдовской силой мертвой буквы». Если Ленин отнял свободу слова, то Сталин – свободу молчания, которое расценивалось властью как скрытое неучастие и неодобрение. Сталин призывал советских людей не только на «трудовую вахту», «в ряды борцов за выполнение плана», «ликвидацию прорывов», но и к «большевистской бдительности», «к отпору вражеским выпадам и вылазкам». Человек учился «разоблачать замаскировавшихся врагов», «наймитов империалистических разведок», «взволнованно» одобрять «мудрые решения партии и правительства» и «героически жертвовать собой».

«Великие достижения» Сталина превратили Россию в одно безграничное кладбище, на котором наших соотечественников, как правило, убивали и закапывали без отпеваний и погребения, в безвестных и бесчисленных братских могилах. Но свою главную историческую миссию Сталин выполнил: олицетворяемая им власть партийной номенклатуры стала совершенной и неодолимой. Цена сталинского тридцатилетия – миллионы погубленных человеческих жизней: 11–12 млн. погибших в мирное время и 27 млн. ныне признанных военных потерь. А кроме того, изолгавшаяся и, рухнувшая, в конце концов, под тяжестью собственной лжи, страна. Как Сталину удалось создать такую систему подавления и деградации человеческой личности?... Русский мыслитель и философ Фёдор Степун искренне полагал, что за Сталиным стоял дьявол. Так это или нет, но, во всяком случае, сегодня непримиримая позиция в дискуссии о Сталине и сталинской власти не может рассматриваться как частный политический выбор. Или общественный вызов.

Это единственно возможное и достойное отношение к хозяину мертвой буквы.

Александр Искандарян

Южный Кавказ между изоляцией и интеграцией: генезис и перспективы

Южный Кавказ – сравнительно небольшой по территории и населению регион, расположенный между Черным и Каспийским морями, между Россией, Турцией и Ираном. Территория региона меньше территории Великобритании, а совокупное население примерно равно населению Нидерландов. Перешеек, лежащий между Россией и Ближним Востоком с одной стороны, и Центральной Азией и Европой – с другой, имеет серьезное стратегическое значение для будущего развития довольно большого и важного региона, лежащего на пересечении Юго-Восточной Европы и Большого Ближнего Востока.

Для того, чтобы понять очень многие особенности развития Южного Кавказа, полезно представить себе генезис региона как такового. Понятие Южного Кавказа как единого региона с более или менее четкими границами – явление сравнительно недавнее. До начала XIX в. регион входил в состав отчасти Персидской, отчасти Оттоманской Империй, а также в полувассальные княжества и царства между этими империями. Свою общность жители региона не ощущали, никакой общекавказской идентичности просто не существовало. Люди имели различные пересекающиеся и наслаивающиеся друг на друга виды религиозной, локальной и этно-

01/2010

языковой идентичности. Скажем, человек мог ощущать себя жителем Шемахи, персоязычным прихожанином Армянской Апостольской Церкви, или, скажем, грузиноязычным суннитом, жителем Аджарии, подданным турецкого султана. Никакого ощущения общности не было даже у образованных людей того времени.

В первой половине XIX в. регион после нескольких волн русско-турецких и русско-персидских войн был включен в состав Российской Империи. В чисто административных целях было необходимо как-то именовать эти территории. Довольно естественным было появившееся тогда название «Закавказье», т.е. часть Российской Империи, лежащая за Кавказским хребтом. Со временем территории, объединенные под названием «Закавказье», стали не только извне, но и изнутри восприниматься как некое единое целое – как отдельный регион. Уже по своему названию новый регион имел выраженную естественную северную границу – Кавказский хребет, а вот южной границы у него изначально не было. Южной границей региона стала сначала государственная граница Российской Империи, а затем – Советского Союза. Ее очертания менялись в результате войн и перекройки политических границ. Скажем, с 70-х гг. XIX в. до 20-х гг. XX в. частью Закавказья считались Карс, Ардаган и Сурмалу – районы нынешней Турции, входившие тогда в состав Российской Империи. Но все же основная территория Закавказья, входившая в состав единого экономического, транспортного и культурного пространства, постепенно начала превращаться действительно в регион: часть Российской Империи к югу от Кавказского хребта.

Общая система образования, единое законодательное поле, все более широкое распространение русского языка в качестве регионального *lingua franca* (языка межэтнического общения), система дорог, связывающих регион с центром Империи, государственные границы на юге, наконец, появление общего рынка – все это приводило к осознанию жителями региона своего единства и отделению себя от прежних метрополий (Персии, Турции и др.) В то же время, очевидные культурные и географические отличия от центральной России приводили к появлению над-этнической, кросс-культурной кавказской идентичности, осознанию своей культурной особенности внутри Империи. После образования СССР в начале 1920-х гг. это осознание даже и усилилось. Границы на юге закрылись наглухо, психологически Турция стала такой же далекой, как, например, Швеция. Культурный мир ограничивался Советским Союзом, так что культурная общность, например, грузин с лазами, живущими в Турции, или азербайджанцев – со своими этноязыковыми соотечественниками в Иране, постепенно теряла актуальность. Зато на первый план выходили отличия кавказцев от других жителей СССР.

В 1922 г. была даже предпринята попытка создания закавказской протогосударственной структуры в виде Закавказской федерации. Однако во второй половине 1930-х гг., в полном соответствии с модернизаторской парадигмой советского нацистроительства, от этой затеи было решено отказаться; Федерация была распущена и заменена прямым вхождением Армянской, Грузинской и Азербайджанской Советских республик в СССР. Впрочем, сохранились некие реликты – в виде Закавказского экономического региона, различных закавказских фестивалей, дней культуры, обмена студентами и пр. – дожившие до самого падения Советской Империи. Закавказье действительно стало регионом внутри СССР, четко отделявшим себя и отделяемым другими. Подобная регионализация носила в СССР повсеместный характер – и Средняя Азия, и Прибалтика также превратились в отдельные регионы, часто вопреки истории и этнокультурной гетерогенности. Однако очевидные для самих жителей регионов отличия – или даже противоречия – между Литвой и Эстонией, Таджикистаном и Кыргызстаном, Арменией и Азербайджаном, не мешали развитию элементов общей идентичности, своего рода маркеров, с помощью которых «кавказцы», «среднеазиаты» и «прибалты» выделяли себя из состава остальных жителей СССР.

В полном соответствии с концепцией Бенедикта Андерсена, «воображаемые сообщества», будучи воображены, начинают существовать в общественном сознании. К середине XX в. Закавказье, несомненно, уже существовало как мета-этническая поликультурная общность, и Закавказский регион перестал быть просто географическим понятием. У этого региона были представления о своем единстве, четкие внешние границы и внутренние экономические связи (которые, впрочем, сейчас нередко преувеличиваются).

Административные границы строились по характерному для СССР «матрешечному» принципу. Были три союзные республики (Азербайджан, Армения, Грузия), в которые входили автономии разного уровня (автономные республики и автономные области). При этом некоторые этносы становились «титультными» сразу в двух образованиях разного таксонометрического уровня (например, армяне в Армянской ССР и Нагорно-Карабахской автономной области), некоторые – только в одной (абхазы). Возможны были также и неэтнические автономии, как-то: автономия грузин в Грузии и азербайджанцев в Азербайджане (Аджария и Нахичевань, соответственно). При этом во многих случаях компактного проживания большого числа представителей одного этноса внутри административного образования, в котором «титультным» был другой этнос (сотни тысяч азербайджанцев в Грузии, около двухсот тысяч лезгин в Азербайджане и т.п.), никакой автономии вообще не было.

Согласно советскому законодательству и практике, различным уровням автономии соответство-

вали различные уровни в культурной и административной иерархии. Предположим, союзным республикам полагалось иметь академию наук, ЦК Компартии и театр оперы и балета, а автономным – нет. Автономным республикам удавалось «выбить» университет (в частности, Абхазии удалось), а автономным округам – нет, поэтому в Карабахе и Южной Осетии университетов не было. Однако в любом случае эти образования воспринимались в качестве этнонациональных, неких «эмбрионов» национально-государственных образований. В столицах союзных республик, автономных республик и областей образовывались элиты, формировались полуподпольные национальные дискурсы, рождались мифологии, накапливались будущие претензии к Центру и соседям. Это предмет отдельного исследования, но стоит отметить, что в чрезвычайно полиэтническом регионе с многими межэтническими проблемами, после распада СССР в горячую фазу перешли только конфликты в бывших «официальных» этнических автономиях (Абхазии, Южной Осетии и Нагорном-Карабахе). Противоречия в других регионах компактного проживания этнических меньшинств не приводили к таким последствиям, хотя иногда эти регионы могли быть по численности «нетитульного» населения больше, чем вышеназванные. Например, в Грузии жило больше армян, чем абхазцев и осетин вместе взятых, но вооруженные конфликты произошли именно в Южной Осетии и Абхазии. Видимо, «формализация» этничности и институционализация производства и концентрации элит дает возможность более легкой политизации этничности при ослаблении внешнего давления.

В любом случае, в советское время обозначились две тенденции. С одной стороны, это образование метаэтнического региона «Закавказье», с другой – формирование прото-националистической парадигмы среди «титутельных» наций национально-государственных образований региона. Оба элемента можно считать элементами модернизации. Первый – в качестве образования мультикультурной мэтаэтнической общности не на династическом «имперском», а именно на культурном поле: люди осознавали свою общность не в качестве подданных султана или шаха, но именно как общность культурную, выделяющую их из числа остальных подданных царя (или позже ЦК КПСС). Второй же элемент на практике был специфической формой становления национальных идентичностей в условиях СССР, похожей на тот процесс, который шел, скажем, в Восточной Европе XIX – начала XX в., где в недрах Австро-Венгерской Империи зарождались этнические движения и этнические идентичности, на основе которых потом, при распаде Империи Габсбургов в 1918 г., были созданы новые национальные государства.

Парадоксальным образом, эти два процесса могли идти одновременно и даже не мешать друг другу. Как, скажем, сейчас в Европе латышский национа-

лизм может не только не противоречить европейскому самосознанию латышей, но даже и усиливать его, так, скажем, грузинский национализм в 1970-х гг. вполне уживался с ощущением «кавказскости» Грузии, и даже поддерживался этим ощущением.

Однако процесс образования этнополитических идентичностей с железной логикой (описанной в работах Мирослава Хроха (Miroslav Hroch)) привел к тому, к чему, видимо, не мог не привести. Как только ослабла коммунистическая идеология и тип создаваемой на ее основе легитимности, появились возможности для относительно свободного выражения мнений и требований. С этого момента начала появляться собственно политика, и именно на этом этапе политизация приняла форму этнизации. Базис для политизации этничности уже был наличен: достаточное количество образованных и социально активных людей были готовы продуцировать идеологии, социализироваться в качестве политических деятелей, основывать различного рода группы и партии, расширять возможности общественного участия и возглавлять вновь возникающие движения. Потерянная к тому моменту марксистская идеологическая легитимность уже не могла скреплять империю, соответственно, сохранить ее можно было лишь с помощью аппарата подавления, который к тому времени тоже сильно ослаб. Либерализация в период Перестройки расширила возможности самовыражения, что, в свою очередь, расшатывало империю. Был запущен маховик распада СССР.

Механизмом распада во многих частях советской империи стали революции. Для того, чтобы такие революции смогли произойти, потребовалась очень широкая мобилизация народных масс. Для того же, чтобы обеспечить такую мобилизацию, необходимы были, в частности, понятные людям идеологии, которые обеспечили бы выделение достаточного количества социальной энергии. Очень недолго, в 1986–1987 гг. повсеместно совершались попытки использовать в таком качестве социальные, общедемократические и даже экологические идеи. Однако почти сразу наряду с ними, а в скором будущем поглотив их, появились идеологии национальные или даже националистические. Впрочем, следует признать, что националистическая компонента была и с самого начала имманентна даже экологическим и социальным идеям, принимая форму: «ОНИ портят нашу экологию и ОНИ перекачивают наши богатства в Центр». Национализм был наиболее базовым, понятным и универсальным средством солидарности, и его потенциал был очевиден нарождающимся политическим элитам.

Довольно естественно, что национализм принимал не форму гражданского, а форму этнического национализма. Долгий период досоветской и советской модернизации делал именно такой путь естественным. Солидарность людей строилась не по парадигме «потенциальные граждане независимой Грузии, Ар-

01/2010

мении» и т.д., а «грузины, армяне, осетины» и пр. Причем территории воспринимались как этнические домены, даже если, как в Абхазии, титульный этнос составлял менее 20% населения. Важно, что Абхазия принадлежала абхазам, а Армения – армянам именно как этнической общности. Квинтэссенцией такого рода мышления стала крылатая фраза первого президента Грузии, бывшего диссидента Звиада Гамсахурдиа «Грузия для грузин», и выработанная им же концепция этнических «хозяев» и «гостей» Грузии. Никакая метакультурная общность не могла заменить собой этнической солидарности. Попыток создать некое «Закавказское государство» даже и не предпринималось, в отличие, например, от предыдущего распада Российской Империи в начале XX в. Впрочем, и тогда идея Закавказского Сейма не прожила и нескольких месяцев. Процессы бурного национального строительства делали идеи общекавказской солидарности маргинальными, «мейнстримными» же были идеи строительства национальных государств европейского типа вильсоновской эры и ухода от плановой экономики к свободной, также понимаемой как основа национального процветания.

Дополнительной причиной маргинализации идеи общекавказской солидарности послужили неизбежные при такого рода развитии этнополитические конфликты. Политизирующаяся этничность, дисперсное расселение этносов, «матрешечная» структура административного деления с неизбежностью приводили к конкурирующим и накладывающимся друг на друга территориальным проектам. Скажем, территорию армянской автономии внутри Азербайджанской ССР своей могли считать и армяне, и азербайджанцы, а осетинской автономии в Советской Грузии – опять же и осетины, и грузины. Вопреки часто встречающемуся в прессе упрощенному пониманию, этнические конфликты на Кавказе не являлись изолированным явлением и тем более случайностью или злой волей людей, но были одним из проявлений процесса националистического строительства стран региона – неким аналогом Эльзаса и Лотарингии в терминах европейской истории. Некоторые из конфликтов имели не чисто сецессионистский, но ирредентистский характер, подобно Рисорджименто периода объединения Италии или синдрома распада некоторых частей Австро-Венгрии, когда Трансильвания после распада не стала независимой страной, но присоединилась к Румынии, а Польская Силезия – к Польше.

В период распада СССР странно было не то, что в период строительства этнонациональных идентичностей проявлялись конфликты, а что их было так немного. Таким образом, противоречия между различными субъектами кавказской политики делали тем более неактуальными сюжеты единства Закавказья. Пожалуй, единственное существенное, что произошло в этой сфере – это смена названия региона с «Закавказья» на «Южный Кавказ». Новое название являло собой осознанный отказ от «взгляда из России», и таким образом дистанциро-

вало Южный Кавказ от России. При этом переименование было механическим, никакого осмысления региона как новой реальности не происходило, и регион продолжал существовать по инерции.

Инерция единства существовала и существует еще в разных плоскостях. Во-первых, это собственно культурная общность, общие культурные коды, язык межнационального общения (русский), элементы общесоветской культуры, как высокой, так и бытовой, ностальгия и прочие следствия нахождения в едином пространстве СССР, сохраняющиеся в старших возрастных стратах, но явно уменьшающиеся со временем и поколениями. Во-вторых, это чисто экономическая необходимость в сотрудничестве, причем необходимость эта обусловлена географически, и чаще всего выражается в строительстве транзитных газопроводов и дорог. Схожим экономикам трудно что-либо дать друг другу, реально страны стремятся к интеграции с Европой, а не друг с другом. В третьих, существует глубокая неуверенность в собственной способности построить успешные государства и экономики, что приводит к стремлению сделать это вместе. Подогреваются эти обстоятельства тем, что извне (на сей раз из Брюсселя, а не Петербурга или Москвы) также существует запрос на единый регион, которому будет легче войти в европейское пространство.

Таким образом, вполне понятное и искреннее стремление стран региона стать частью Европы укрепляет существующие тенденции к созданию единого региона – Южного Кавказа. Хотя бывает и наоборот, когда те же самые причины (стремление в Европу, неуверенность в своих силах) могут быть причиной поиска иной региональной идентичности (например черноморской), если кажется, что это быстрее может привести к результату. Противостоят же интеграционистским тенденциям по-прежнему конфликты. Представить себе реальную интеграцию любого свойства между Арменией и Азербайджаном, Абхазией и Грузией и т.д. в нынешней политической реальности просто невозможно. Инерция уходит, ностальгия исчезает вместе с ее носителями, чересполосное расселение исчезает в результате этнически мотивированных миграций, вместе с ним исчезает и знание языков друг друга, и т.д.

Таким образом, в регионе сейчас продолжают действовать обе тенденции – и интеграционистская, и изоляционистская. Теоретически, урегулировав конфликты, Южный Кавказ может остаться регионом, ощущающим свое единство. Но он может и перестать быть – или не стать – отдельным регионом, и превратиться просто в ряд стран, находящихся по соседству. Все входящие в него сейчас страны могут стать частью какого-то более широкого региона – или разных регионов, скажем Азербайджан – Каспийского, Грузия – Черноморского, а Армения – Средиземноморского. Ясно одно: невозможно определить судьбу Южного Кавказа как региона, просто используя инерцию имперского и советского времени. Инерция несколько смягчает

расположение региона, но построить на ней ничего не получится. Становление новых национальных идентичностей может сопровождаться осознанием своей региональной идентичности, но оно не может покоиться только на истории. Регион должен превратиться в проект будущего.

Для того чтобы это произошло, необходима как минимум рефлексия региона не как наследия прошлого, а как нынешней реальности. То есть его не следует «восстанавливать» или «воссоздавать», хо-

тя бы по причине очевидной невозможности это сделать. Регион можно попробовать построить по тому или иному проекту, той или иной архитектуре. Для того же, чтобы выбрать проект, нужно понять на какой земле (terrain) он будет осуществляться – «привязать к местности», в терминологии архитекторов. Только тогда и может получиться регион. Может, правда, и не получится. Тогда и станет ясно, какая тенденция победит – интеграционная, изоляционистская или обе сразу.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Игорь Ходаков

Белая идея и русская военная интеллигенция

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Гражданская война... После крушения СССР остро вспыхнул интерес к ее кровавым событиям. Это не удивительно, поскольку в 1990-е мы оказались на пороге новой Смуты и наступившем тысячелетии еще не преодолен раскол общества. Ряд последних газетных публикаций, освещение в СМИ процессов перезахоронения останков генералов А.И. Деникина и В.О. Каппеля, ясно показали не только неоднозначное отношение в обществе к лидерам Белого движения, но и непонимание их целей, задач и идеалов. С целями и задачами лидеров контрреволюции разобраться несложно: сегодня изданы программные документы белых вождей, их мемуары. А вот с идеалами дело обстоит сложнее. Что вообще представляет собой Белая идея? Существует мнение, будто основные ее положения в белогвардейском лагере так и не были сформулированы¹. Однако рассуждения на тему Белой идеи бессмысленны без изучения менталитета ее носителей. Ныне опубликовано и, слава Богу, продолжает издаваться большое количество белогвардейских воспоминаний не только военачальников, но и рядовых офицеров (последняя фраза вовсе не является тавтологией, поскольку немало офицеров и даже некоторые генералы на Юге России служили на положении рядовых²). На страницах своих мемуаров они часто спорили друг с другом³, по разному смотрели на многие военные и политические эпизоды Гражданской войны, но есть нечто, объединяющее большинство ветеранов Белой армии. Это их принадлежность к интеллигенции. Еще С.П. Мельгунов говорил о том, что Добровольческая армия "...была армия русской интеллигенции в широком смысле слова"⁴. Именно тысячи ее представителей в годы Первой мировой войны надели военный мундир, сменив на полях сражений выбитый кадровый состав армии. После революции военные интеллигенты стали основой и лидерами Белого дви-

жения. Верховного правителя Белой России адмирала А.В. Колчака мы помним и в качестве ученого-полярника, генерала Деникина – как талантливого писателя. М.В. Алексеев и С.Л. Марков до войны занимались преподавательской деятельностью и являлись профессорами, барон П.Н. Врангель получил образование горного инженера, генерал Л.Г. Корнилов владел несколькими восточными языками и был автором серьезного научного труда по Туркестану. Уже в изгнании в Русской Армии Врангеля интеллигенция играла преобладающую роль. В Галлиполи после исхода находилось 50% офицеров, а остальные 50% в огромном большинстве – солдаты из интеллигентов⁵.

Что же представляла собой русская военная интеллигенция в эпоху Смуты? Ответ на этот вопрос позволит лучше понять как сущность Белой идеи, так и причины, побудившие лучшую часть офицерства поднять знамя борьбы с большевизмом. Разумеется, невозможно в рамках небольшой статьи раскрыть столь сложную тему, как идеалы белого офицерства. Скорее, в данном случае сделан шаг в области осмысления темы, вынесенной в заглавие статьи.

Русское офицерство. Воспитанное на идее служения, определенном кодексе чести и аскетизме⁶, оно отличалось непрактичностью и часто неумением устроить свой быт⁷. В офицерстве причудливым образом сплелись героизм на полях сражений и свойственный предреволюционной интеллигенции внутренний разлад, отсутствие цельности. Это замечали и биографы белых вождей. Один из них, В.Г. Черкасов-Георгиевский, исследовавший жизненный и боевой путь генерала Деникина – типичнейшего военного интеллигента – нарисовал верный психологический портрет этого незаурядного человека. "В чем же был убежден Деникин своим происхождением, детством, молодостью? Да не

01/2010

оказалось цельности, единой системы координат. Это ведь мешанина, эклектика, когда человек церковно православен и – с “республиканским акцентом”, вирусно занесенным в наш мир “вольной” французской революцией. Признак таких “раздвоенных” людей – делать одно, воображать другое. Они импульсивны, и такова, например, знаменитая речь Деникина перед Керенским (на Совещании в Ставке 16 июля (по старому стилю) 1917 г. – авт.⁸), хотя февралист Антон Иванович вместе с единомышленниками именно его и породили. Люди этого сорта “непредрежденчески” нерешительны... Сыну кремневого фельдфебеля⁹, и только потом – офицера, генералу Деникину не достало отцовской монолитности... Деникин и сам: то “царь Антон”, то “капустный” (автор имеет в виду мечту генерала после Гражданской войны сажать капусту¹⁰ – авт.). “Деникиниана” это больше не “Путь русского офицера”, а именно – либерального военного интеллигента. Деникинская судьба, конечно, ярче “пути” какого-то разночинца... В ней блеск оружия, и слава императорских побед, и “терновость” Белой гвардии. Но в ней и непременные чемаданы нелегалщины, и некая “подкожная” неприязнь к русским царям, и любовь к младотурецкому рационализму, хотя сам живешь не умом, а сердцем. А в Антоне Ивановиче все это интеллигентски расхожее пыталось ужиться и с подлинным православным аскетизмом¹¹. В сущности, много томные воспоминания Деникина только подтверждают эту характеристику. По словам генерала, его политические убеждения сложились в годы учебы в Академии генштаба. Их суть сводилась к следующим положениям: 1) конституционная монархия, 2) радикальные реформы и 3) мирные пути обновления страны¹². Но ведь совершенно несовместимы мирные пути обновления страны с радикальными реформами, предполагающими передел земельной собственности и, как следствие, противостояние помещиков и крестьян, которое нередко принимало кровавые формы. Другой пример. 31 июля 1919 г., в дни громких побед своих армий, Деникин произнес речь перед ростовской общественностью: “Революция безнадежно провалилась. Теперь возможны только два явления: эволюция или контрреволюция. Я иду путем эволюции, памятуя, что новые крайние утопические опыты вызвали бы в стране новые потрясения и неминуемое пришествие самой черной реакции”¹³. Приведенный отрывок свидетельствует об утопичности взглядов генерала, его идеализме и оторванности от исторических реалий. Утверждение главкома о безнадежном провале революции не соответствовало действительности. Крестьянство отнюдь не собиралось отказываться от революционных результатов “черного передела” и не желало возвращать землю помещикам¹⁴. Деникин, заявляя, что идет путем эволюции, на самом деле выдавал желаемое за действительное. В конечном счете, внутренняя раздвоенность, идеализм генерала, заставила философа И.А. Ильина дать

крайне жесткую, но не лишенную основания, характеристику генерала: “...Деникинщина есть керенщина внутри белого движения”¹⁵. Примечательно, что схожим образом современники характеризовали и адмирала Колчака. О нем нередко говорили: “трагическая личность”, “роковой человек”, умевший управлять кораблем, но не способный руководить страной”¹⁶. Занимавший пост военного министра в омском правительстве и близко наблюдавший Колчака генерал барон А.П. Будберг следующим образом характеризовал адмирала: “Это большой и больной ребенок, чистый идеалист, убежденный раб долга и служения идее России; несомненный неврастеник, быстро вспыхивающий, бурный и несдержанный в проявлении своего неудовольствия и гнева... Истинный рыцарь подвига, ничего себе не ищущий и готовый всем пожертвовать, безвольный, бессистемный и беспамятливый, детски и благородно доверчивый, вечно мятущийся в поисках лучших решений и спасительных средств, вечно обманывающийся и обманываемый, обуреваемый жаждой личного труда, примера и самопожертвования, не понимающий совершенно обстановки и не способный в ней разобраться, далекий от того, что вокруг него совершается...”¹⁷. П.Н. Милюков увидел в Колчаке человека тонкой духовной организации, чрезвычайно впечатлительного, умевшего своим моральным авторитетом влиять на людей, но не способного управлять ими (как, впрочем, и сам Милюков)¹⁸. Не удивительно, что военным лидерам Белого движения было чуждо стремление к власти¹⁹. Надевшие мундир интеллигенты стремились служить России, но не править ей. Создатель Добровольческой армии генерал Корнилов в одном из своих воззваний прямо говорил: “Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России...”²⁰. Деникин также подчеркивал: “Я веду борьбу за Россию, а не за власть...”²¹. О стоявшем у истоков Белого движения генерале Алексееве писали: “Не блистал, не блеснул, так и в истории – в тужурке защитного цвета”²². Генерал Деникин по доброй воле подчинился адмиралу Колчаку²³. Зимой 1920 г. не стал бороться за власть с Деникиным и барон Врангель, без всякого принуждения покинув Россию. Последний, уже в эмиграции, имея за собой в рядах Русской Армии бесспорный авторитет, добровольно вошел в подчинение Великому князю Николаю Николаевичу. Даже такая одиозная и стоящая особняком в Белом движении фигура, как генерал барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг в одном из своих писем признавался: “Лично мне ничего не надо”²⁴. Белые генералы С.Н. Войцеховский, Г.А. Вержбицкий, К.В. Сахаров, В.М. Молчанов, сумевшие пробиться в Забайкалье после гибели Колчака, узнали о появлении у них нового главнокомандующего атамана Г.М. Семенова, который во время кровавых боев спокойно отсиживался в тылу. Генералы возмутились, но подчинились, исполняя

волю покойного адмирала²⁵. Перед нами одно из отличительных свойств русской интеллигенции: служить Родине, народу, причем служение это носило аскетический характер²⁶. Это и не удивительно, ведь аскетический образ жизни до революции приходилось вести многим офицерам. Генерал Деникин был сыном крепостного, а Алексеев – сверхсрочного солдата. Отцы будущих генералов собственным потом и кровью заслужили офицерские чины. Генерал Корнилов родился в семье простого казака и с детства знал нужду, отцом генерала В.Г. Болдырева был кузнец. А.Г. Кавтарадзе опубликовал в свое время сведения из послужных списков белых 71 генерала и офицера – организаторов, участников 1-го Кубанского похода. 64 человека (90 %) из них никакого недвижимого имущества не имели. А из 71 человека потомственных дворян было только 15 (21 %), личных дворян – 27 (39 %), а остальные происходили из мещан и крестьян или были сыновьями мелких чиновников и солдат²⁷.

Уже в изгнании военные интеллигенты продолжали служить Родине, собирая и храня полковые святыни, создавая летописи Гражданской войны. Причем все это делалось после в прямом смысле слова тяжелого рабочего дня. Так, А. А. Керсновский четырехтомную «Историю русской армии» писал на чердаке своей парижской лачуги, не имея даже письменного стола и будучи тяжело больным.

Примечательно, что первыми интеллигентами в России были дворяне – служилое сословие. Это нашло отражение в этимологии слова «дворянин», в котором подчеркнута идея не благородного происхождения, а приближенности к государю, идея служения. Дворянин – слуга царю и Отечеству. В отличие от дворянина, интеллигент служит не царю, а идее²⁸, но именно служит. Это главная доминанта в его поведении. В каком-то смысле интеллигенты сродни монахам, поскольку, часто отказываясь от мирского, сосредотачиваются на духовном²⁹. Достаточно вспомнить знаменитое «хождение в народ» русской интеллигенции, когда не только представители ее революционного крыла (среди последних было немало полуинтеллигентов – недоучившихся студентов), но и многие высокообразованные люди желали, как они полагали, отдать свой долг народу³⁰. Вожди Белого движения также служили скорее духовной идее, сражаясь, в массе своей, не за реставрацию Самодержавия. Выступая на совещании в Ставке 16 июля (по ст. стилю) 1917 г. Деникин буквально произнес: «...стерто имя самодержца, стерто прочно и в сердцах наших»³¹. Как это ни парадоксально будет звучать, но не только большевики, но их противники были революционерами по отношению к традиционной российской государственности – монархии. Это признавали и некоторые белогвардейцы, например, генерал А.А. фон Лампе, усматривавший «единоутробное» и «революционное» происхождение и Красной Армии, и Белой. Он обращал внимание на однородные социокультурные и неформаль-

ные инфраструктурные свойства советской и белой военной элиты³². Отказываясь от борьбы за конкретные цели – восстановление Монархии как исторической формы правления, лидеры контрреволюции заменяли их абстрактными идеями. Тому же Деникину принадлежит фраза: «Счастье Родины я ставлю на первый план»³³. К этим словам генерала присоединилось бы подавляющее большинство белых офицеров. Но счастье Родины – понятие именно духовное. Для белогвардейцев ведь счастье России ассоциировалось с такими понятиями, как долг, честь, слава, величие державы. Крестьяне, как и рабочие, подобными категориями вообще не мыслили, для них понятие счастья имело гораздо более конкретно-приземленное содержание: лошадь, урожай, изба, выходной и пр. это наиболее ярко проявилось при восприятии офицерством и крестьянами результатов Брестского мира. Для офицеров он был национальным унижением, а крестьяне отнеслись к нему равнодушно – земля-то оставалась в их руках, а о таких словах, как контрибуция они и не слышали. Непонимание мужицкого менталитета привело, в свое время, к неудаче «хождения в народ», когда к антиправительственным призывам народников-интеллигентов крестьяне, в лучшем случае, оставались равнодушны.

Нежелание лидеров Белого движения властвовать также негативным образом сказалось на их взаимоотношении с народными массами, которым генетически присуще сакральное отношение к высшей власти, какой бы суровой и жестокой она не была³⁴. По словам современного историка А.К. Соколова: «Диктатура пролетариата на деле осуществлялась политической элитой большевистской партии, фигурами ее вождей. Вождизм неизбежное следствие власти хаоса и толпы, ее жажды найти ориентиры в бурном океане событий. Вожди выступают от имени трудящихся масс, подхватывая их настроения и чаяния и навязывая им свои идеи»³⁵. Народ и искал ориентиры в бурном океане событий и готов был пойти за настоящими вождями. А их образ в массовом сознании всегда мифологизировался. О Л.Д. Троцком, например, ходила молва, будто он «есть отчаянный сын тамбовского губернатора и вступился, хоть и другого звания, за рабочий класс»³⁶. В данном случае важна не историческая нереальность подобного рассказа, а породившая его социальная среда. Большевистские лидеры умели властвовать, белые – нет. Последние даже разрушали в народном сознании мистическое отношение к власти. В этом плане примечателен эпизод, описанный главой военного духовенства Русской Армии Врангеля митрополитом (в 1920 г. – епископом) Вениамином (Федченковым). Однажды на прием к барону пришла депутация крестьян, в чьих глазах Врангель был полновластным хозяином Крыма, почти что царь. Яркая, можно сказать, героическая внешность затянутого в черкеску главкома только укрепляла это представление. Крестьяне, по привычке боявшиеся высокого начальства, по-

просили владыку Вениамина присутствовать на встрече с бароном. В назначенный день Врангель принял депутацию, обошел всех, энергично поздравившись с каждым за руку. А вот это – вспоминал владыка – совсем не необходимо³⁷. Крестьяне знали цену начальству, не было нужды в рукопожатиях, не полезных ни народу, ни начальству. Как здесь не вспомнить случай (возможно, анекдот), когда А.Ф. Керенский, следуя на очередное заседание, “демократично” пожал руку швейцару, потерявшему сразу же все свое уважение к “Александру IV”. Беда в том, что в обоих случаях начальство было представлено интеллигенцией, только в первом случае она была военной. Вот другой пример, рассказанный белым генералом Б.А. Штейфоном. Однажды он стал свидетелем, как крестьяне везли двух связанных, как они выразились, “фулиганов”. Один из мужиков, обращаясь к “фулиганам”, многозначительно произнес: “Деникин, он вашему брату потачки не даст”. И далее Штейфон с горечью пишет, что со временем глубокая вера крестьян в способность Деникина (а он в их сознании ассоциировался с властью, являясь ее воплощением) стала колебаться. “«Деникина» не видели и не чувствовали”³⁸. Военные интеллигенты и не могли быть настоящими вождями, поскольку либеральная идея отрицает диктатуру и, как следствие, сильную личность во власти. Деникин в эмиграции тесно общался с С.П. Мельгуновым, который, по словам исследователя его биографии Ю.Н. Емельянова, был “убежденным социалистом”³⁹, а также с другим либеральным деятелем Н.И. Астровым. В одном из писем к последнему генерал прямо говорил: “Взыскую либерализма и болею над его немощами...”⁴⁰. Следует отметить, что интеллигенты не только не стремились к власти, но и органически не способны править. Достаточно вспомнить печальный опыт Временного правительства.

Немаловажный фактор поражения контрреволюции кроется в неспособности белых военных интеллигентов разъяснить в доступной для масс форме основные положения Белой идеи. Почему? Они не знали и не понимали народного языка и, как следствие, категории мышления и систему ценностей крестьян. Еще одна причина неудачи Белого движения связана с присущей русской (а позже, отчасти, и советской) интеллигенции традиции противостояния с властью, т.е. не позитивные, а негативные признаки⁴¹. Да, во все времена российской истории интеллигенты умели критиковать существующую власть, но были неспособны выдвигать конструктивные идеи, понятные большинству населения. Белая военная интеллигенция тоже выступила сначала против, а уж потом, в пекле сражений и беспощадной борьбы, вынуждена была объяснять, за что она борется. В данном случае интересны не столько основные положения официальной идеологии белых правительств, сколько идеи, за которые сражались офицеры-фронтовики.

В ограниченных рамках статьи невозможно рассмотреть все белогвардейские мемуары, на страницах которых содержатся рассуждения о целях Белой борьбы. Возьмем одни из самых интересных и ярких воспоминаний о Гражданской войне: книгу генерала А.В. Туркула “Дроздовцы в огне”. В годы Первой мировой Туркул был трижды ранен и награжден орденом святого Георгия IV степени, Георгиевским оружием. Он осмысливает борьбу в религиозном аспекте⁴². Думается, в данном случае перед нами одно из указанных свойств интеллигенции: быть в оппозиции существующему режиму. Раз большевики богоборцы, то белые, следовательно, религиозны. И тогда для Туркула Россия – святыня, за которую в огне Гражданской войны с силами тьмы сражается русская молодежь. Здесь вполне уместно вспомнить предреволюционную интеллигенцию, обожествлявшую, по словам Н.А. Бердяева, народ и демонизировавшую абсолютизм⁴³. У Туркула же демонизируется – надо заметить, справедливо и обоснованно – большевизм. Однако, читая мемуары знаменитого дроздовского генерала трудно отделаться от впечатления, что его религиозность не более чем антитеза большевистскому богоборчеству. И это касается не только Туркула. Возвратившийся в 1920 г. с перекопских позиций Русской Армии епископ Вениамин сделал неутешительный для белых вывод: “Наша армия героична, но она некрещеная!”⁴⁴. Владыка имел в виду именно религиозный индифферентизм врангелевцев.

Отвлеченный характер идеалов Белой борьбы приводил к тому, что нередко офицеры и представители других категорий населения говорили просто на разных языках. Концевые сноски Так, в воспоминаниях марковского артиллериста В.Е. Павлова описан диалог между белогвардейским офицером и инженерами: “Но офицер не скрыл того тупика, в который он попал в разговоре с инженерами.

- За что борется Добрармия?
- За Единую, Великую, Неделимую.

– Это общая фраза, ничего не говорящая, – возражали ему – и большевики борются за это же. Но они в тоже время разрешают так или иначе вопросы политические, социальные, экономические, чтобы улучшить жизнь народа. Так вот, как разрешает эти вопросы Добрармия?”⁴⁵. Сам Павлов следующим образом формулировал принципы Белой идеи: “Белая идея, в которую они (белые – авт.) верили и за которую боролись, наталкивала их на необходимость всестороннего ее понимания. Белая идея требовала умения и знания, как применять ее ко всем областям жизни и ко всем слоям населения. Она побуждала: 1. знать, за что бороться, 2. как бороться и 3. против кого бороться, то есть знать сущность большевизма”⁴⁶. Даже спустя годы Павлов так и не сумел ясно выразить свое представление о Белой идее. Парадокс в том, что, следуя логике Павлова, добровольцы должны были задуматься и понять, за что они борются только после общения

с местным населением. Начиная войну и еще не соприкоснувшись с рядовыми жителями деревень и городов, белые не ставили перед собой задачи четко сформулировать цели борьбы и идею, за которую шли умирать. Но главная проблема здесь в том, что ни генералы, ни офицеры-фронтовики не размышляли над важнейшим вопросом: были ли идеи, за которые они сражались и которую формулировали уже в ходе боевых действий, приемлемы для *всей* массы населения России. Скорее наоборот, подавляющее большинство белогвардейцев было твердо уверено во всенародной поддержке Белого движения. Так, Деникин в своем приказе о подчинении Колчаку писал *обо всем* русском народе с замиранием сердца и верой, надеждой и любовью следящим за успехами белогвардейских армий⁴⁷. В данном случае перед нами известная претенциозность интеллигенции, выраженная в ее самоощущении о некоей особой миссии, уготованной ей Историей⁴⁸. Деникин, рассуждая о сущности и содержании Белой идеи, полагал, что она стала реакцией против небывалого угнетения “духа свободы, самостоятельности народа, против физического истребления целых классов”⁴⁹. Первая часть приведенного утверждения довольно спорна, ибо ленинский декрет, даровавший крестьянам права на землю, и отражал, как раз, самостоятельность народа. Декрет стимулировал развитие в нем раскрепощения духа свободы, в частности, по отношению к помещичьей собственности, разрушая в крестьянском сознании прежнее к ней отношение. Хотя, скорее, ленинский декрет пробудил в глубинах народной души не дух свободы, а низменный инстинкт, что нашло выражение в печально известной деятельности комбедов.

Общавшийся с Деникиным и его окружением последний протопресвитер Императорской армии и флота о. Георгий Шавельский не смог в ясной форме выразить цели, за которые сражались белые. По его мнению, они были “воодушевлены самыми чистыми, светлыми, благородными порывами и все стремились только к одному: чтобы вывести Россию на путь свободной и счастливой жизни”⁵⁰. Нетрудно заметить в рассуждениях о. Георгия, как, впрочем, и самого Деникина – мысли русского интеллигента-идеалиста, совершенно непонятные простым рабочим и крестьянам. На этот факт обратил внимание американский исследователь П. Кенез: “По ходу Гражданской войны и по мере того, как офицеры вынуждены были формулировать свои программные цели, становилось заметно, что они чувствовали себя неуверенно и не могли идти далее самых общих формулировок, которые никого не устраивали”⁵¹. В том же ключе построены рассуждения Ю.А. Полякова, считающего, что идеи Единой и Неделимой России в сознании народа носили абстрактный характер, как, впрочем, абстрактный характер в его сознании носили идеи мировой революции, но в целом “приземленные” лозунги большевиков, в первую оче-

редь, “земля – крестьянам”, были выражены ясно и понятно⁵².

Важно также учитывать психологическое восприятие “золотопогонников” населением. Рабочие и крестьяне отрицательно относились к офицерам, главным образом, потому, что те были людьми *другой, чуждой* им культуры, иного, непонятного им, психологического склада и чуждых им устремлений. Не могли же белогвардейцы-интеллигенты рассказывать каждому рабочему или крестьянину о том, какой тяжелой в материальном плане была их жизнь в каком-нибудь гарнизонном захолустье Казанского военного округа, и о том, как храбро они сражались на войне, перенося все ее тяготы наравне с солдатами, коих они не гнали в бой, а, наоборот, вели за собой. Вообще же в рабоче-крестьянской среде в предреволюционные годы и особенно после победы большевиков господствовало озлобленно-отрицательное отношение к интеллигенции, вне зависимости от ее материального положения и социального статуса⁵³. Раз образованные и в очках – значит буржуи. В сознании крестьян и рабочих люди в погонах воспринимались как представители старого мира, возвращаться в который многие из них не хотели. Многие белые офицеры, включая генералов Корнилова и Деникина, также не хотели возврата прошлого, но прошлого не с точки зрения бытового образа жизни, а в смысле государственного устройства России – реставрации монархии. Рабочие же, чье материально-бытовое положение перед революцией было нелегким⁵⁴, думали именно об изменениях в бытовом плане. То же самое можно сказать и о значительной части крестьянства, мечтавшего о дележе помещичьих земель. И прагматики-большевики объективно действовали в интересах крестьян, отдав им землю в безвозмездное пользование, и в интересах рабочих, обещая им “светлое будущее” именно на бытовом уровне. Деникин и его соратники выступили против Советской власти отнюдь не потому, что те передали фабрики рабочим, а землю крестьянам. Начиная борьбу с Советами, белые стремились к дореволюционному образу жизни в бытовом плане. Об этом писал журналист Г.Н. Раковский, бывший непосредственным свидетелем происходивших в 1919 году на Юге России событий⁵⁵. В конечном счете, следует признать справедливым утверждение Кенеза, согласно которому мировоззрение и позиции вождей белых были унаследованы от прошлого⁵⁶. Стремление к старому образу жизни было естественно для людей, более четырех лет провоевавших и с неизбежной ностальгией вспоминавших мирное время, пускай часто и нелегкое в материальном плане. Но возврат назад был неприемлем для пролетариата и крестьянства. Таким образом, антагонизм между значительной массой рабочих и крестьян с одной стороны и офицерами с другой пролегал не в материальной плоскости, но в области менталитета. Этот антагонизм появился значительно раньше Гражданской войны, вспом-

01/2010

ним справедливые слова В.И. Ленина о страшно далеких от народа декабристах (типичнейших военных дворян-интеллигентов). Таким образом, выступившие против большевизма военные интеллигенты не сумели найти общий язык с народом, воспринимавшим их как чужаков. И крестьянское прошлое некоторых генералов не делало их в глазах рабоче-крестьянского населения своими. Надев мундир (да и просто получив образование), офицеры стали людьми другого, чуждого рабоче-крестьянским массам, мира. Так, Деникин прямо говорил о кастовой замкнутости офицерства и о его классовый, как он выражался, отчужденности⁵⁷.

Оторванный от реальности идеализм и неспособность белых вождей, прежде всего, Колчака и Деникина и, тем более, генералов Н.Н. Юденича и Е.К. Миллера повести за собой массы, дав понятные им лозунги, заставляет сделать следующий вывод. В случае победы Белого движения ни Деникин, ни Колчак, вследствие своих личностных качеств, не смогли бы воспрепятствовать реставрации прежних земельных отношений в стране, оказались бы не в силах помешать приходу к власти ловким деятелям вроде Керенского, более искушенным в политике, чем генералы, но показавшим свою неспособность управлять страной. В результате измученную войной Россию сотряс бы еще один социальный взрыв, который вверг бы ее в пучину новых междоусобиц и анархии, чем не преминули бы воспользоваться соседние державы. Альтернативой всему этому могла быть только жесткая диктатура, но для этого требовалась харизматическая личность, каковой военные интеллигенты Деникин и Колчак не являлись. Однако, с другой стороны, русская военная интеллигенция в годы братоубийственной войны совершила несомненный подвиг, выступив с оружием в руках против бесчеловечной большевистской военной машины. И многие белогвардейцы, вчерашние преподаватели, врачи, инженеры, ученые, спасли честь России, поскольку воевали за Родину, т.е. за тот духовно-нравственный идеал, который составлял неотъемлемую и вечную ценность каждого уважающего себя народа. В конечном счете, доминантой поведения лучших представителей военной интеллигенции, надевших мундир Белой армии, стали евангельские слова: **Нет больше той любви, если кто душу положит за други своя.**

Примечания.

- ¹ Домнин И.В. Краткий очерк военной мысли русского зарубежья // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 484 – 486.
- ² См., например: Штейфон Б.А. Кризис добровольчества // Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 253.
- ³ В этой связи достаточно вспомнить полемику генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, развернувшуюся на страницах их мемуаров.
- ⁴ Цит. по: Деникина М.А. Генерал Деникин. Воспоминания дочери. М., 2005. С. 296.
- ⁵ Карпов Н.Д. Крым – Галлиполи – Балканы. М., 2002. С. 90.

- ⁶ На мой взгляд, этот кодекс неплохо показан в серии рассказов генерала Деникина. См.: Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005.
- ⁷ В бытность свою главнокомандующим генерал Деникин сократил себе и своим помощникам жалование, долгое время ходил в рваных штанах (других не было), а в эмиграции отказался от предложения П.Н. Милюкова воспользоваться средствами, находившимися в русских заграничных банках. См. Лехович Д.В. Белые против красных: Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 227, 228, 281. Генерал А.В. Туркул иронизируя над представлениями большевиков, будто белые защищают власть помещиков и капиталистов, отмечал, что основу Добровольческой армии составляли бедняки-офицеры, романтические штабс-капитаны. Туркул. А.В. Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... М., 1995. С. 40.
- ⁸ Деникин А.И. Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 428 – 440.
- ⁹ Отец легендарного генерала Иван Ефимович Деникин, бывший крепостной, дослужился до майорского чина.
- ¹⁰ Лехович Д.В. Указ соч. С. 227.
- ¹¹ Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал Деникин. Смоленск, 1999. С. 557.
- ¹² Деникин А.И. Путь русского офицера. М. 1990. С. 66.
- ¹³ Деникин А.И. Вооруженные силы Юга России. // Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. М., 1996. С. 80, 81.
- ¹⁴ Их интересы Деникин, как ранее было принято считать, отнюдь не отстаивал, просто он оказался не в состоянии воспрепятствовать, по собственному признанию, возвращению помещичьих шарабанов в собственные имения. Об этом см. Деникин А.И. Указ. соч. С. 160.
- ¹⁵ Цит. по: Кручинин А.С. “Нужно писать правду...” (Военный историк и писатель А.И. Деникин) // Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 37. Необходимо, обращаясь к трудам И.А. Ильина, посвященным критике мемуаров Деникина, принимать во внимание то, что философ, по словам А.С. Кручинина, рассматривал “труд Деникина через призму его конфликта с Врангелем”, которого Ильин боготворил. См.: Кручинин А.С. Указ. соч. С. 36.
- ¹⁶ Дроков С.В. Следственное дело А.В. Колчака как источник по истории Гражданской войны в Сибири. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1998. С.3.
- ¹⁷ Цит. по: Юзефович Л.А. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М., 1993. С. 52.
- ¹⁸ Там же. С. 52.
- ¹⁹ Там же. С. 52
- ²⁰ Цит. по: Комаровский Е.А. Генерал-от-инфантерии Л.Г. Корнилов // Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель... М., 2003. С. 34.
- ²¹ Лехович Д.В. Указ. соч. С. 211.
- ²² Цит. по: Кручинин А.С. Генерал-от-инфантерии М.В. Алексеев // Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель... С. 59.
- ²³ Деникин А.И. Вооруженные силы... С. 26.
- ²⁴ Цит. по: Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 225.
- ²⁵ Там же. С. 65.
- ²⁶ Об этом см.: Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи; Интеллигенция в России; Сб. ст. 1909 – 1910. М., 1991. С. 25.
- ²⁷ Горелов П.Г. Они вернулись и не уйдут / Белое движение: начало и конец; Р. Гуль. Ледяной поход (с Корниловым); Ген. А. Деникин. Поход на Москву; Р. Гуль. Жизнь на фуска. М., 1990. С. 8, 9.
- ²⁸ Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 402.
- ²⁹ Там же. С. 402.
- ³⁰ В данном случае достаточно вспомнить знаменитого хирурга и богослова святителя Луку Войно-Ясенецкого, после блестящего завершения учебы в Киевском университете выбравшего путь земского врача.

- ³¹ Деникин А.И. Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. С. 186.
- ³² Цит. по: Минаков С.Т. Военная элита 20-30-х годов XX века. М., 2004. С. 50.
- ³³ Цит. по: Ипполитов Г.М. Деникин. М. 2000. С. 256.
- ³⁴ Недаром Иван Грозный остался в народной памяти именно как грозный царь, а отнюдь не кровавый деспот.
- ³⁵ Цит. по: История России XX век /А.Н. Боханов, М. М. Горин, В.П. Дмитриенко. М., 1996. С. 278.
- ³⁶ Емельянов Ю.В. Троцкий: мифы и личность. М., 2003. С. 347.
- ³⁷ Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 255.
- ³⁸ Штейфон Б.А. Кризис добровольчества // Белое дело. М., 1992. С. 298.
- ³⁹ Емельянов Ю.Н. Сергей Петрович Мельгунов (1879 – 1956) // Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 12.
- ⁴⁰ Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 328.
- ⁴¹ Успенский Б.А. Указ. соч. С. 398.
- ⁴² Туркул нередко говорит на страницах своей книги на православном языке. “Я вспоминаю... тысячи тысяч... русских солдат, верных присяге о долгу, спящих теперь вповалку в братских могилах до трубы архангела”. С. 6; “В Севск мы вошли 17 сентября, в день Веры, Надежды и Любви”. С. 77; “Нас, красных и белых бойцов, павших в бою, может быть, уравниют перед Вечным Судией наша смерть и наши страдания...”. С. 143.
- ⁴³ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 25.
- ⁴⁴ Митрополит Вениамин (Федченков). Указ. соч. С. 247.
- ⁴⁵ Марковцы в походе на Москву // Поход на Москву / Сост., науч. ред. С.В. Волков. М., 2004. С. 164.
- ⁴⁶ Там же. С. 168, 169.
- ⁴⁷ Деникин А.И. Вооруженные силы... С. 26.
- ⁴⁸ Об этом см.: Милуков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи; Интеллигенция в России. С. 381, 382.
- ⁴⁹ Ипполитов Г.М. Указ. соч. С. 253.
- ⁵⁰ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 410.
- ⁵¹ Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 97.
- ⁵² Поляков Ю.А. Гражданская война: взгляд сквозь годы // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 281.
- ⁵³ Об этом см.: Смирнова Т.М. “Бывшие люди” Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917 – 1936 годы. М., 2003. С. 32 – 34.
- ⁵⁴ История России. XX век /А.Н. Боханов, М.М. Горин, В.П. Дмитриенко. М., 1996. С. 24.
- ⁵⁵ Раковский Г.Н. В стане белых // Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. Кн.9: Донская Вандея. М., 2004. С. 198.
- ⁵⁶ Кенез П. Указ. соч. С. 95.
- ⁵⁷ Копылов Н.А. Социально-психологический портрет русского офицерства в годы первой мировой войны / Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. М., 2005. С. 137.

Евгений Князев

Трудно быть богом

80-ЛЕТИЮ В.Б. КОБРИНА

Увлеченным Мнемозиной студентам одного из столичных вузов в 1970-е повезло: по неведомой игре случая нам удалось увидеть, каким должен быть интеллигентный ученый, настоящий историк, яркий преподаватель. По аналогии с героем книги братьев Стругацких, нашего В.Б. Кобрин «забросили», как «прогрессора» в весьма далекую от идеальной среду сверх идеологизированного исторического факультета. Как мы его звали? Дон Румата? Вообще-то, точнее было бы – Дон Кихот.

Именно у него я и учился, а других, – составлявших обыкновенное агрессивно-беспокойное большинство преподавательского корпуса – терпел. Приходилось выслушивать эту тягомотину пять лет изнурительных сеансов камлания вокруг ПСС (полного собрания сочинений – сами знаете кого – Е.К.). И ни слова об их желтовато-коричневатых папочках с замусоленными тесемочками, ни слова о жухлых листках, исписанных фиолетовыми чернилами, по которым многие из них с монотонной патетикой начитывали свои унылые лекции. Вскоре после начала наших занятий многие студенты истфака единодушно решили: Владимир Борисович – самый интеллигентный из наших преподавателей. Он – ученик А. А. Зимина, выдающегося исследователя и инакомыслящего, автора известных

монографий, из которых одна, та самая, – и почему бы это?! – только недавно была наконец издана. Каково же содержание русской медиевистики, что такое исследование нельзя было властям «разрешить», а «новую «хронологию» от двух расстригматиков – можно?

Конечно, Кобрин был не одинок, в нашей группе вел семинары прославленный историк и честный человек Э.Н. Бурджалов, на которого грозно «цикнуло» или рыкнуло ЦК КПСС и разразилось особым постановлением в период Оттепели. Вели занятия и другие интересные лица, но почему, собственно, Кобрин – лучший из наших преподавателей? Почему именно ему удалось достичь образовательной цели? Почему другие такого не смогли? А ответ предельно прост и ответ – единственный: он был ученым!

Про него иной раз говаривали «коллеги по цеху», будто Кобрин «не создал научной школы», «не сумел стать «корифеем» или «узнаваемым медийным лицом», не был произведен в сановники политизированной исторической науки. Да он и не стремился им быть! Простительно ли не стать завкафом или деканом, допустимо ли не обзавестись обходительной секретаршей и сворой борзых референтов? «Не могу я быть Птолемеем, даже в Энгельсы не го-жусь», как писал наш Галич. Ученому всей этой атрибутики не нужно, ибо интеллигент в референтах не нуждается.

* Автор – д.п.н., профессор.

Окуджава шутиливо спел: «Антон Павлович Чехов однажды заметил, что умный любит учиться, а дурак – учить». Кобрин когда-то одним росчерком пера обрисовал наше ремесло:

«У историков не бывает хобби!»

У историков настолько интересное профессиональное занятие, именно оно составляет существо их деятельности, что на филателию, значки и грампластинки их не хватает. Почему мы его обожали? Он нам казался воплощением интеллигентского «неумения жить», что раньше точно именовалось донкихотством, когда роман в переводе Сервантеса еще читали некоторые школьники средних классов. В не филистерские времена было вовсе не стыдно подражать таким Донам Руматам. Народнический стиль шестидесятников некогда еще вовсе не считался предосудительным, у преподавателей не принято было «модничать»: вековые демократические традиции отечественной интеллигенции явно мешали.

Чуть выше среднего роста, он аккуратно выглядел в своем синем пиджаке, как и в светло-бежевом – выходном. У него забавно топорщился длинный воротничок рубашки, и галстук он завязывал каким-то слишком не тугим и неровным узлом, наверное, так и не смог выучиться этой премудрости. Зимой его перчатки часто бывали в обугленных дырочках: заговорившись с собеседником, он их прокуривал. Нацепив драповое пальто, он потом надевал в разноцветную клетку шарф, придерживая его подбородком, как сказал бы Набоков, по-русски. У нас совершался выбор: «Хочешь ли ты быть таким как он?» «Конечно, хочу». Тогда будь, если сможешь. Изредка доставая очки, чтобы что-то важное отыскать и прочитать, Кобрин неторопливо рассказывал по атриуму нашей «alma mater studiorum», огибая широкие колонны, раскланиваясь со знакомыми, добродушно шутил и скоро курил на переменах.

Его лицу с оживленной мимикой придавали колорит профессорская борода клинышком и густая с проседью шевелюра, но – самое важное – живые, всегда смеющиеся, яркие, насмешливые, лукавые, добрые с прищуром глаза. Часто и очень «вкусно» и заразительно смеясь, он любил и ценил настоящий юмор, и нам льстило, что мы отчасти приглашены войти в «смеховой мир» самого Кобрина. Он учил и не поучал, как Чехов, и часто вспоминал поговорку Шолом-Алейхема: «пока ты не доволен жизнью, она и проходит». Неунывающий, оптимистически настроенный человек, он часто посмеивался и во время лекций и семинаров, мы сначала отзвучиво улыбались, а потом научились понимать тонкую его иронию, суровую сатиру и едкий сарказм.

Некто сказал про Владимира Борисовича, будто вот именно таких «русских крестьян он встречал на Севере». Мы покорно поверили, что наш преподаватель оттуда, ведь Кобрин так часто и подробно, со знанием деталей говорил о крестьянах, о деревне, обладая совершенно точным пониманием предмета. Он же опубликовал в «Новом мире» «По избам за

книгами» – публицистическую повесть о своих археографических экспедициях в старообрядческие деревни. Когда он дал прочитать авторский текст, мы убедились, какие «детали» выбросила цензура: консервные баночки, из которых старухи пили травяной чай в колхозных деревнях, ведь в сельпо даже грузинского нельзя было купить, да и не на что.

Кто-то исхитрился и задал ему вопрос о его фамилии на лекции по ономастике. Он живо ответил, что фамилия означает «еврей из Кобрина, что в Белоруссии», и еще объяснил про нелепость доономастического толкования «от змеи». ...Не из крестьян... Лукаво прищуриваясь, задирая бородку, выпускающая струю дыма, он часто рассказывал о своих впечатлениях от прочитанного в курилках нашей alma mater, «Исторички», Отдела рукописей. Владимир Борисович говорил в особой диалогической манере, только ему доступной научно-популярной беседы – специфической формой нашего собственного «века Просвещения» от Кобрина. Преддипломные консультации он экстравагантно проводил на скамеечке в сквере на Плющихе, что нас тогда даже нервировало: никакой солидности перед таким событием – нашей защитой. А он весело щурился на солнце, перебирал наши рукописи и диктовал телефон оппонента. Про перипатетиков нам тогда еще на никто не рассказывал.

Однажды читавшая нам диамат товарищ профессор спросила у него в нашем присутствии: «В.Б., дорогой, где это сказано «в начале было Слово...?». Он, хмыкнул, побледнел и тихо молвил: «Евангелие от Иоанна, глава первая, стих первый». Готовые провалиться со стыда, – студенты ведь не нарочно присутствовали при данном позорище, – мы разом отвели глаза. Товарищ даже не покраснела. Он не комментировал и перевел тему.

Ему не надо было задаваться, изображать из себя великого знатока, – он им был! Нам казалось верхом бестактности и невежества не знать того автора или события, о котором говорил Владимир Борисович, это и создавало постоянно действующий стимул читать и слушать отнюдь не для экзамена, а для того, чтобы «быть допущенным» к общению с ним, оставаться рядом с ним и во время семинара и после лекции. И 20 лет после его кончины.

«Доброе утро! Присаживайтесь»,

– входя в аудиторию и направляясь к кафедре, произносил он с неизменным дружелюбием (мы всегда вставали и приветствовали стоя преподавателей, тогда так было принято). Ему неловко было видеть, как все 130 человек поднимались «из-за него». Он нас мгновенно усаживал, и, «товарищами» он нас не именовал: слишком уж был ироничен. Словом он владел мастерски! Стоя за кафедрой, зачитывая важные места из текста, Кобрин привычно вел лекцию, выходил, прохаживался по небольшому участку у доски. Он пренебрегал пользоваться доской или картой, не задавал составлять сравнительно-сопоставительных таблиц, диаграмм и графиков, про кон-

спекты «классиков всепроникающего учения» и говорить не стоит. В панибратский разговор с аудиторией он не вступал, специальных вопросов «в зал» не забрасывал, однако, на каждой лекции неизбежно создавалось ни с чем несравнимое ощущение живого диалога. Не слишком балуя «популизмом», он нам не льстил, на семинарах наши ответы не расхваливал и не восхищался нашими талантами. Как-то он похвалил одну фразу из всей моей курсовой! С этим я потом месяцами ходил и сиял полный заслуженной гордости, совершенно нездешнего происхождения.

Его оживленные лекции о средневековье требовали сосредоточенности и всего внимания – их следовало не только слушать, запоминать, я их постоянно тщательно записывал. Просто не хотелось упускать его формулировок, его толкования событий истории Руси, я ловил его далеко не тривиальные утверждения, не очень совпадавшие с «генеральной линией». Когда не получалось «быть» у него на лекции, мы стремились «иметь» конспект. Энциклопедически образованный ученый, Кобрин подчинял нас единственно справедливой зависимости на свете – власти знания. Он говорил: «Наука – вот непреходящая ценность!»

Некогда он провел консультацию и высказал ряд новых оценок, за что некоторые «поплатились», когда попали на экзамен к иным преподавателям, не знавшим, что предводитель восставших Иван Болотников был разорившимся дворянином, а не «классово-близким». Владимир Борисович читал лекции, ориентируясь на лучшего, отличного студента, и эта «ставка на сильного» явно противоречила давней, а нынче еще утрированной усредненности методических требований, чтобы «троечник понял», своей высоконаучной манерой преподавания он поднимал нас. Старшекурсник Сергей Козленко на одном из капустников на весь истфак заявил: «Кобрин – самый научный и самый популярный!».

Тогда нам казалось, что В.Б. весело подмигивал, а у него был небольшой, его никак не портящий тик. Пересказывая во время лекций тот или иной эпизод исторического повествования, он в исторической ткани старался находить комические эпизоды, при этом мы, «первачки», еще точно не знали, когда надо начинать смеяться, но с годами обучались его блистательной иронии. Он высмеивал многочисленные около- и псевдо- исторические фолианты тогдашних корифеев, имен которых мы уже и не вспомним, объясняя, почему эту дешевую пошлость издают тысячными тиражами. Его замечания воспитывали в нас вкус к исторической и вообще науке, к литературе и искусству, к театру и кино. Но переставал «острить», становился серьезным, бледнел и мрачнел, когда речь заходила о пролитой крови... Поговорка «про покойников – лучше хорошо, или ничего!», – не касается историков, постоянно говорил Владимир Борисович.

Был ли он замечательным лектором? Несомненно. Однако он не был краснобаем и записным балагуром, безостановочно несущим поток откуда-то вы-

хваченных фраз. Божией милостью ученый, Кобрин читал свой авторский курс истории Древней Руси, а также вспомогательных исторических дисциплин не по чужим учебникам, а по результатам своих собственных изысканий, поэтому его лекции, выгодно отличались от многих, многих других отсутствием «общих мест» и методических банальностей.

Поэзия истории

Вскоре я убедился, что он знал буквально *все про нашу историю*, поэзию и прозу... Он любил цитировать хорошие стихи, многих великодушных, нам не ведомых строк тех поэтов, которых не «проходили» в школе, и не печатали издательства... Читал нам, не на лекции, ироничные стихи запрещенного Наума Коржавина:

*Был ты ликом довольно противен,
Сердцем подл, но не в этом суть,
Исторически прогрессивен
оказался твой жизненный путь!*

В домашней обстановке он читал суровые строки изгнанника Александра Галича, подчеркивая, его сознательное членство в сверх запретном НТС:

*Он выходит на место лобное,
«Гений всех времен и народов!»
И как в старое время доброе
Принимает парад уродов!*

Кобрин обожал А.К. Толстого и часами цитировал нам его иронические стихи:

*Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.*

Читал недоступного и не издаваемого тогда «эмигранта» Сашу Черного:

*Лить душистый мед искусства
в бездну русской пустоты...*

Кобрин совершенно артистически мог по-украински цитировать «Энеиду» Ивана Котляревского или стихи Тараса Шевченко: «Думы, мои думы...». Перед Пушкиным он благоговел, и нас учил такому же отношению к гению, против звенящей поэзии которого нам поголовно была сделана профилактическая «прививка» в нашей очень средней школе. А на четвертом курсе я ему читал, запинаясь самиздатского Иосифа Александровича: «Пусть и вправду, Постум, курица не птица, но с куриными мозгамихватишь горя...»

*«Умирает от скуки историк,
За Мамаем все тот же Мамай»*

О Л.Н. Гумилеве, тогда не разрешенном еще, он как-то точно сказал, хохотнув, что журнал, в котором его печатают надо назвать не «Природа», а «Природа и фантазия». И все. А этого нам было достаточно, чтобы понять: не стоит обольщаться. «Также, как я не верю в священный Кааб, так я не верю во «внеисточниковые знания», – иронически отзывался он о творениях другого «письменника».

В течение нескольких лет Кобрин регулярно вел познавательные радиопередачи на всесоюзном радио, в которых слушателям следовало отыскать

01/2010

ошибки в историческом тексте незатейливого автора Ляписа Трубецкого, названного в честь героя Ильфа и Петрова. Мы слушали передачи, сценарий и текст которых писал Кобрин, и старались не отставать от школьников, которые обнаруживали несуразность появления в контексте «карманов на одежде москвитя» или «картофеля на Руси в XVI в.». На всю жизнь осталась привычка отыскивать неправду в деталях исторического повествования!

Он обожал вкусно поесть, сам неплохо готовил и с веселым воодушевлением рассказывал о диковинной пище москвичей, о пареной репе, которую наши предки ели вместо картошки, о том, что такое монастырская уха, сколько «наливов» в древнерусских яблоках отмечено в одном из списков «Домостроя». Он знал всю Москву, все названия, старые и новые, всех исторических улиц, знал, какая их часть находилась в Опричнине, какая – в Земщине, где у царевых черных стражников были «стожки», где они поили лошадей. Он с восхищением рассказывал о князе Святославе, который ел в походах поджаренное на углях мясо. Ссылаясь на В.В. Похлебкина, он увлеченно рассказывал о старинных кабаках и водке на Руси, и откуда она взялась... Мы вместе с ним научились проникать в незапамятные времена, когда в глухих лесах Восточно-Европейской равнины, между Окой и Волгой кочевали славянские и финно-угорские племена: «Чудь начудила и меря намеряла...». Говорил: если бы ему, как князю Владимиру, предстоял выбор веры, он предпочел бы Православие: очень оно красиво!

Наука истории

Он, «наследник по прямой» ученых М.Н. Тихомирова и С.Б. Веселовского, А.А. Зимина, воспитание которых попросту не позволяло невежливости в научном споре, мог в пух и перья «разбомбить» тот или иной опус противника, но никогда не опускался до «партийных» ярлыков. Он всегда и на лекциях и в разговоре, четко произносил имя, отчество, делал паузу и затем – выговаривал фамилию. Никогда не помню, чтобы даже злейшего научного..., скажем, оппонента, он называл только по фамилии. Кобрин был начисто лишен даже допустимых оскорбительных выпадов в противоборстве с представителями других исторических школ или вне науки находившихся авторов. Меняясь в лице, когда его принуждали говорить о неприятелях, он преставал улыбаться, еще более четко говорил, кто, что и когда заявил, и почему так утверждать некорректно. Во всем показывая образец корректности, он нас, своих студентов, звал по имени и всегда на «вы».

Он нам многократно говорил, даже если бы декабристы победили в 1825-м, то освобождение крестьян все равно состоялось бы только в 1861 году. Он доказывал нам, что существуют объективные законы истории, которых обойти по собственному субъективному желанию невозможно. Не будучи «государственником», он в такой же мере был чужд «анархизма» («знали бы вы, что творилось при бать-

ке Махно на Украине!»). Однако народнический идеал, уцелевший со времен земской интеллигенции, был для него особым критерием в оценках исторических фактов и событий. В оценках «большого террора» или «опричнины» он исходил из точной аксиологии, объясняя, кто в первую очередь попал под топор державного палача, а кто – во вторую, в третью... И оценка опричнины и сталинских репрессий для него вовсе не начиналась и никак не заканчивалась расправой над «известными боярами», но он всегда обнаруживал безымянную массу погубленных душ, подчеркивая вслед за С.М. Соловьевым: «не произнесет историк слов оправдания такому человеку...». Насилие во всех видах ему было чуждо, по всей вероятности, он был последовательным пацифистом. Именно Кобрин мне рассказал, особом бесстрашии Натальи Горбаневской, которая в 68-м, вышла на площадь с грудным сыном...

«Поступить на истфак может каждый...»

Сам отличник, Кобрин рассказывал, что во времена его студенчества (вторая половина 1940-х, описанные у Ю.В. Трифонова в «Доме на набережной» или у А.Ю. Германа «Хрусталева, машину!») он в ночь перед экзаменом, запасался чашкой черного «Мокко», который выпивал, дабы бодрствовать: «Верхом неприличия и нарушения неписаного этикета считалось в эти ночи спать!». Как и все яркие и интересные преподаватели, он не любил экзаменовывать, превращая скучную процедуру в собеседование, в котором он интересовался нашим мнением, а не заранее ему одному известным ответом. Испытание обрело особый статус, становилось по-настоящему серьезным и значительным. «Вам, милорд, как стимул для учебы экзамены не нужны, Вы интересуетесь предметом и без подстегивания...». Похвалу я надолго запомнил – эта оценка более серьезная, чем «отлично» в зачетке.

В период стагнации считалось принятым «гордиться» и восхвалять конкурсы в вузы: все эти «7 или 9 человек на место»... Кобрин никогда не преувеличивал «значимости» всех этого вступительного «отбора», отчетливо осознавая, какое число «позвоночников» поместили согласно феодальному nepотизму. Однажды он сделал кому-то из болтавших замечание, сурово возмутился: «Вы, те несколько человек, которых сюда приняли «по благу», должны понимать, что сидите в этой аудитории на чужом месте!». Это для меня стало характеристикой эпохи брежневщины и нескольких последующих: ведь буквально все и везде сидели не на своем месте и занимались не своим делом.

В.Б. говорил, что многих юношей зачисляли на истфак исключительно по причине ношения «штанов», а надо бы принимать самых подготовленных. Он брезгливо относился к мужскому шовинизму, ибо сильному полу не часто удается избежать всех ошибок «воспринимающего женского ума». Приводил в пример свою жену Эмму Григорьевну, защи-

тившую столь сложную диссертацию по «мужской теме»: истории кавказского холодного оружия.

Язык истории

Владимир Борисович заявил на самой первой лекции: «В Великобритании Шекспира играют на языке XVI в., на котором были написаны пьесы, хотя язык с тех пор очень изменился, так и вам предстоит услышать подлинные тексты на древнерусском, а не в пересказе». Он с упоением читал источники, чем и нас увлек: «Откуда есть пошла русская земля...»... так в источнике! Его подход к истории был языковым, «переходом в прошлое» через язык. Он подчеркивал: знание языка, на котором «пишется история» – важнейшее, что некогда решило и его судьбу. Он владел французским и итальянским, читал по-польски, но выбрал специализацию по русской истории, ибо только носители языка способны познать прошло своей страны.

Со временем я выбросил все свои студенческие тетрадки, в которых старательно записывал лекции. Лишь одна тетрадь в вишневом коленкоровом переплете от той поры осталась, ее нельзя утратить. И не по сентиментальным соображениям, все прагматично: этими записями и сейчас, после стольких теоретико-методологических и аксиологических рывков, скачков и метаморфоз смело можно пользоваться. В вишневой тетрадке нет ничего того, чего следует избегать и неловко вспоминать, там все по делу, необходимые цитаты из источников приведены к месту. На мой, никак не объективный, вполне заинтересованный взгляд, этот конспект может сравниться с надписью на мемориальной доске: «В этом доме с такого-то по такой-то жил выдающийся историк второй половины XX века». Знания, которые мы у него получали по нашему весьма «скоропортящемуся» предмету, не устарели за время нашей более чем тридцатилетней преподавательской работы.

Он был гигантской фигурой в нашем образовании: мы, студенты его семинара, его уважали, цитировали и копировали его манеры, его слова, ссылались на его высказывания, его афоризмы тиражировались нами. Сколько лет мы рассказываем историю нашим ученикам под его влиянием. От Кобрин мы узнали самый настоящий способ познания существа предмета из уст в уста, как в средневековых высших школах, будто оказались в Восточной Европе до Франциска Скорины и даже Иоганна Гуттенберга. Когда меня, молодого учителя, допрашивали вопросами дотошные ученики, можно было из приемной директора школы позвонить к нему домой и, извинившись за нахальство, спросить: «Владимир Борисович! Были у славян не только серпы, но и косы?» Раздавалось знаменитое кобринское похихивание, точнее, «похехекивание»: «Милорд! Неужели Павел Александрович (Шорин) не рассказывал, что в раскопках...». Косы у древних славян весьма скоро обнаруживались...

У Кобрин никогда не было открытых выступлений «против» «единственно верного учения», он

всем своим видом и своей роскошной преподавательской манерой спокойно воспитывал сухую неприязнь к этой отжившей идеологической системе. Его курсы оказывались самым решительным образом свободными от привычных накатанных шаблонных формулировок и схем всех тогдашних «измов». Вкус к изучению истории воспитывался в каждодневной заботе о подлинности и достоверности преподносимых источников. Можно только представить себе его возмущение от навязываемого ныне «тестирования». Кобрин интересовали персональные портреты, факты, подробности людских судеб, а не схемы и «обобщения». Однажды я слышал, как один из приближенных В.Б. буквально своровал его знаменитые примеры, которыми снабжены были его спецкурсы, нами участниками его семинаров весьма хорошо известные и любимые. Как это пошло и грустно – «атака клонов» на Кобрин. Поймав мой недоуменный взгляд, сей «борзый отрок» осекся, понял, что я застал его за постыдным занятием. Мы с ним не говорили об этом ни разу, мы вообще не говорили о том, что он так не по-кобрински цитировал и не сослался...

В условиях монопольного господства «всепроникающего учения», ему повезло: «не члену партии», удалось преподавать в вузе, защитить докторскую, выпустить книгу «Власть и собственность» и вместе с соавторами напечатать два учебных пособия... Во вторую Оттепель, впопыхах названную Перестройкой, он с коллективом соавторов, он успел впустить «Историю СССР с древнейших времен». Тогда не потешались комизму: «Союз нерушимый» притягивали в славянские древности. Напечатали его «Ивана Грозного», наполненного аллюзиями, полемикой и заметками о природе деспотизма.

Появлялись иронические статьи в «Московских новостях» конца 1980-х, в самый разгар идейного противостояния с «нецивилизованными почвенниками», его гневные заметки представляли важную часть спектра либеральных взглядов историка на современные проблемы. Сохранение научных ценностей предполагало твердую общественно-политическую позицию ученого. Потом была книга «Опасная профессия – историк». Из нашей *alma mater studiorum* он ушел, не пожелав соседствовать на кафедре с глубоко чуждым ему и входившим в фавор красно-коричневыми кадрами верных сторонников сталинщины.

В июле 2010 года ему исполнилось бы 80, но он умер 20 лет назад. В декабре 1990-го мы, его студенты и коллеги хоронили нашего учителя, панихида проходила в МГИАИ – последнем его вузовском пристанище. На одном из спецсеминаров он когда-то высказал твердое убеждение: «Рукописи горят!» И пояснил: любые, даже самые популярные книги, а также самые яркие статьи устаревают, забываются, исчезают, их перестают читать и цитировать. И только память об учителе живет в его учениках.

Наталья Елисеева

Кризисный 1989. Из истории Советского Союза

Последним реформаторским проектом в истории некогда огромного государства – СССР (площадью в 1/6 часть суши земного шара с населением в 288 млн. человек, в состав которого входили 15 республик, ныне – самостоятельных государств) – стала Перестройка. Она была осуществлена Генеральным секретарем правящей коммунистической партии в ходе реформ 1985–1991 гг. Задуманная первоначально как «совершенствование социализма», Перестройка вывела ее авторов на реформу политической системы. Эта реформа, одобренная XIX Всесоюзной партийной конференцией летом 1988 г., изменила характер советской избирательной системы: выборы в органы власти становились альтернативными (выбор из двух или более кандидатов в депутаты). И, хотя первоначально новый принцип действовал в рамках однопартийности, его применение повлекло за собой рождение партий, оппозиции, экономической и политической суверенизации, что, в конечном счете, привело к распаду СССР.

1989 год стал рубежным между социализмом, который советские политические лидеры пытались реформировать, и капитализмом, который еще не был обозначен как перспектива, но объективно уже вызревал.

В течение 4 перестроечных лет советская экономика сокращала темпы экономического развития. Об экономических итогах 1988 г. Госкомстат сообщил: «В развитии общественного производства не достигнуты необходимые динамизм и эффективность». Ставка на государственное предприятие, сделанная в связи с вводом в действие Закона о государственном предприятии (объединении) (1988 г.), себя не оправдала. Экономическая предприимчивость не заработала, система госзаказа только укрепила принцип плановости. Председатель совета министров СССР Н.И. Рыжков признал, что «госзаказ оказался отданным на откуп министерствам и ведомствам, и был превращен ими в новую упаковку традиционных методов адресного директивного планирования». Официальная статистика публично признала снижение объема промышленного производства и дефицит бюджета в 100 млрд. рублей. За два года после 1988 г. государственный долг СССР достиг невероятной (по меркам прежних времен) цифры – 70 млрд. долл.

Власть столкнулась с крупнейшей со времени начала реформ проблемой покрытия бюджетного дефицита. В немалой степени это было связано с падением мировых цен на нефть, экспорт которой для Советского Союза был чрезвычайно важен. С 1985 года цены на нефть упали на 65 %, и СССР

потерял на этом 20 млрд. долларов. Доходы СССР резко сократились, что привело к образованию отрицательного сальдо внешней торговли. СССР оказался на пороге финансового кризиса. Проблему не решили даже взятые на Западе коммерческие кредиты. Ситуацию мог бы спасти стабилизационный фонд, но у СССР его не было. Отрицательную роль для бюджета сыграла антиалкогольная кампания, начатая в мае 1985 г. Только за три года (1985–1987 гг.) государство недобрало по этой статье 37 млрд. рублей. (В литературе называются цифры в 67 млрд. рублей и 200 млрд. рублей).

В марте советское руководство заявило об одностороннем снижении расходов на оборону и сокращении своих вооруженных сил. Верховный Совет СССР принял указ, в соответствии с которым, в течение 1989–1991 гг. предполагалось сократить численность Советской армии на 500 тыс. человек, а оборонные расходы – более чем на 14 %.

Эти акции были восприняты Западом как вынужденные, усилили его сомнения в платежеспособности СССР, еще более усложнили процедуры предоставления финансовых кредитов советскому правительству. Ситуация нарастания экономического кризиса не переломилась.

Играли свою роль и непредвиденные расходы, связанные с различными природными и социальными катаклизмами. Серьезный урон бюджету нанесла Чернобыльская авария (апрель 1986 г.). Сокращение армии, вывод советских войск из стран-союзников, ликвидация Среднеазиатского военного округа вели к нарастанию проблем жилья, трудоустройства, дестабилизации социальной сферы. Летом 1988 г. произошло крупнейшее землетрясение в Армении. Были полностью разрушены города Спитак, Ленинокан, Кировокан. Погибли более 24 тысяч человек. Материальные потери для бюджета СССР в связи с ликвидацией последствий этой катастрофы исчислялись миллионами долларов.

Экономическая дестабилизация, дефицит товаров, рост преступности проходили на фоне политической активизации массовых неформальных организаций. Возникшие на базе экологических, культурных, обновленческих идей Перестройки, к началу 1989 года они трансформировались в политически сориентированные движения под руководством преимущественно национальной интеллигенции – в воинственные «Народные фронты». Эти движения при огромном разнообразии целенаправленных идей их программ, были едины в своем недовольстве политикой союзной власти и сконцентрированы на решении собственных региональных проблем.

В этих условиях началась реализация реформы политической системы. Ее суть состояла в создании

нового органа власти – Съезда народных депутатов СССР, взамен Верховного Совета СССР – путем альтернативных выборов депутатов. Съезд был более многочисленным (2250 депутатов), сложным по структуре, с широкими полномочиями.

Съезд народных депутатов СССР по сути был советским вариантом парламента, беспрецедентного по гласности в период его рождения – в начале 1989 года.¹

Итоги выборов по стране были противоречивы. С одной стороны, 85 % депутатов составили члены КПСС. С другой стороны, были забаллотированы 32 первых секретаря обкомов партии из 160. В Ленинграде не был избран ни один партийный и советский руководитель города и области, ни один член бюро обкома, включая первого секретаря и даже командующего военным округом. В Москве партийные работники также в основном потерпели поражение. Потерпели поражение партийные работники и во многих крупных промышленных и научных центрах Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, Юга и Востока Украины, в Прибалтике, Армении, в Грузии. Относительно благополучными для партии результаты выборов оказались в областях Центрально-Черноземного и Северо-Кавказского регионов, Белоруссии, Казахстана и Средней Азии.

Парадокс ситуации состоял в том, что, несмотря на то, что эти выборы были подконтрольны и спонсированы КПСС, выиграли в них политические конкуренты, которые до того момента не имели реальных инструментов политической борьбы. В первую очередь, это касалось Б.Н. Ельцина, который, несмотря на растущую популярность, именно в ходе этой политической кампании приобрел статус легального лидера оппозиции, а в 1990 г., благодаря институту выборов, смог занять доминирующую позицию на российской политической сцене. Новая политическая система начала служить средством для формирования новой политической элиты, противопоставившей себя старой партийной элите. При всей переходности ситуации, эти выборы ознаменовали собой разрыв с прошлым и новый поворот в советской политической жизни.

Подводя итоги выборов на заседании Политбюро ЦК, большинство его членов признали опасность ситуации для правящей партии. Особенно досталось СМИ, которые «безответственно выступают на стороне критиков ЦК». Е.К. Лигачев заметил: «Мы должны помнить, что в Чехословакии и в Венгрии (1956 и 1968 годах) все начиналось со СМИ». На апрельском Пленуме ЦК тревожные настроения партийной номенклатуры выразились в полной мере. Прозвучали обвинения в адрес М.С. Горбачева. Это было, по существу, массиро-

ванное выступление консервативных сил в партии против горбачевского руководства, против Перестройки.

Намечался раскол КПСС. Это была не та КПСС, которая стояла у власти в 1985 г. После XXVII партийного съезда (март-февраль 1986 г.) трижды сменился состав райкомов и горкомов, почти полностью обновились советские органы. После январского Пленума ЦК 1987 г. произошла смена первых секретарей, многие были отправлены на пенсию.

Со всей очевидностью раскол «в верхах» проявился на майском пленуме ЦК КПСС (22 мая 1989 г.). В адрес Горбачева сыпались обвинения: «Политика международная – блестящая, везде она признана... но внутри – и ошибки, и просчеты в экономике».

«Вы – председатель Совета обороны. Беспокоит: кто же, как не вы, должен защищать нашу армию? Из-за океана вас одобряют, по плечу похлопывают и делают свое. Армию это беспокоит». (В. Карпов. Союз писателей).

I Съезд народных депутатов СССР (май-июнь 1989 г.) был реальным практическим результатом реформы политической системы СССР. На Съезде были избраны постоянно действующий двухпалатный Верховный Совет СССР, его председатель – Горбачев и первый заместитель председателя – А.И. Лукьянов. В центре внимания работы Съезда стали острейшие вопросы экономического развития страны, продолжения реформы политической системы, национальные проблемы.

В течение 16 дней продолжался этот политический марафон. Нарушив традицию советских форумов действовать по заранее подготовленному сценарию, Съезд предельно политизировал текущую обстановку в стране, во многом лишая реформаторское крыло власти конструктивного диалога с народными избранниками, среди которых не было согласия по большинству вопросов дальнейшего развития. Одним из первых постановлений Съезда было решение о трансляции всех заседаний по телевидению. История парламентов не имела такого прецедента. Миллионы людей проводили свое время перед экранами, благодаря телевидению с молниеносной быстротой рождалась публичная политика. Поскольку на этом съезде еще не было партийных фракций, возникали только многообразные партийные эмбрионы, дискуссии носили скорее вечевой, чем парламентский, в современном понимании этих слов, характер.

А.Д. Сахаров потребовал изменить повестку. Дискуссии по всем вопросам моментально переводились в политическую плоскость.

Депутаты разделились на два различных в количественном соотношении крыла: умеренное большинство, которое поддерживало Горбачева (большинство среди депутатов съезда составляли сторонники партийной номенклатуры), и демократическое меньшинство (впоследствии за ними за-

¹ Даты съездов: I-й: 25 мая – 9 июня 1989 г.; II-й: 12 декабря – 24 декабря 1989 г.; III-й: 12–15 марта 1990 г.; IV-й: 17–26 декабря 1990 г.; V-й: 2 – 5 сентября 1991 г. 5 сентября 1991 г. V-й съезд народных депутатов СССР принял решение о самороспуске.

крепилось определение «демократы»). Именно между ними и шла полемика по основным вопросам. Демократы заявили о провале экономических реформ и неэффективности министерской системы управления. Они же выдвинули лозунг отмены 6-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС в политической системе СССР. Этот вопрос имел принципиальный характер. Если для Горбачева и его сторонников реформа политической системы казалась завершенной, и оставалось только закрепить контроль над правительством и партией, то для оппозиции – реформа требовала продолжения в направлении создания многопартийности как гарантии дальнейшей демократизации власти.

Партийная тема на съезде переплеталась с текущей политикой, существенно осложненной ростом сепаратизма и национализма в республиках союзного государства. В ночь на 4 июня 1989 г. вблизи перегона железной дороги Челябинск – Уфа в результате аварии произошла утечка сжиженного газа. При прохождении двух встречных поездов прогремел взрыв страшной силы, было много человеческих жертв. Событие это потрясло всю страну, продемонстрировало некомпетентность, безответственность должностных лиц на местах. Еще раз эта катастрофа напомнила о тревожной экологической обстановке.

Съезд не только не консолидировал общество вокруг «перестроечного» руководства КПСС, но, наоборот, развел депутатов на непримиримых сторонников и противников КПСС и Советского Союза в существовавшем тогда виде, придав публичность вопросам незаконности монополии КПСС на управление страной, и поставив под сомнение федеративное устройство самого СССР.

После Съезда политический процесс в стране начал развиваться по конфронтационному сценарию борьбы между радикально настроенными демократами и Горбачевым за лидерство.

Организационно демократы оформились в Межрегиональную депутатскую группу народных депутатов (МДГ). Она насчитывала около 300 человек. Был создан Координационный совет в количестве двадцати с лишним человек, и избрано пять его сопредседателей: Б.Н. Ельцин, Ю.Н. Афанасьев, Г.Х. Попов, А.Д. Сахаров и В.А. Пальм.

Летом 1989 года демократы получили нового союзника в своей борьбе с горбачевцами. Это были шахтеры Кузбасса, Донбасса, Воркуты и Караганды. Шахтеры создавали стачечные комитеты, учредили Союз стачечных комитетов Донбасса и требовали от власти решения давно накопившихся проблем. Объективной основой для этого союза была неприязнь к центральным властным структурам.

В сентябре 1989 г. МДГ сформулировала свою политическую программу в «Тезисах к платформе МДГ». Ключевым требованием группы была отмена 6-й статьи Конституции СССР. После скоростной смерти А.Д. Сахарова 14 декабря 1989 г. лидером МДГ стал Б.Н. Ельцин. У демократов была

репутация противников партократов, к которым сами демократы относили и реформаторов во главе с М.С. Горбачевым и консерваторов. Позже по отношению к демократам стал употребляться термин «радикалы» – сторонники полного изменения общественного строя в СССР.

На общем фоне дефицита продовольствия и иных товаров, в условиях гласности и непрекращающейся полемики в СМИ расширялись зоны национальных конфликтов, политических митингов, забастовок.

В Узбекистане в результате конфликта на национальной почве погибло 100 турок-месхетинцев, в Абхазии начались вооруженные столкновения между грузинами и абхазцами. Верховный Совет Азербайджанской ССР принял закон о суверенитете республики. Демонстрация в Кишиневе вылилась в беспорядки.

Под давлением всё ухудшающегося положения дел, в правительстве возобладал подход к плавному, эволюционному реформированию хозяйственной системы. Летом 1989 г. Заместителем премьер-министра был утвержден академик Л.А. Абалкин – сторонник именно такого подхода. Однако все попытки правительства стабилизировать обстановку не удавались. Бюджетный голод, сокращение импорта продовольствия и товаров, падение производства и структурная ломка экономического пространства вызвали сокращение товарных запасов, что вело к дефициту даже товаров первой необходимости. На колхозном рынке цены превышали государственные розничные цены уже в 3 раза. Давление избыточной денежной массы стало сказываться и на уровне государственных цен. Несмотря на сохранявшийся еще государственный контроль за ценами, все явственнее стала проявляться инфляция.

Политика правительства подверглась резкой критике теперь уже не только по экономическому, но и политическому реформированию и по внешнеполитическому курсу Горбачева.

С осени 1989 г. процесс политической дестабилизации вступил в новую фазу. В рамках самой партии он выразился в том, что партия фактически раскололась не только по идеологическим признакам – сталинисты, ленинцы, марксисты, реформисты, но и по национально-республиканскому.

В начале декабря 1989 г. Верховные Советы прибалтийских республик отменили 6 статью Конституции СССР. Между Арменией и Азербайджаном до предела обострились отношения из-за Нагорного Карабаха. Если в начале года союзные власти ввели там прямое союзное управление, надеясь таким образом разрешить проблемы, то в конце года вернули Нагорный Карабах под юрисдикцию Азербайджана. Верховный Совет Армении ответил на это принятием резолюции об объединении Нагорного Карабаха с Арменией. Конфликт из-за Нагорного Карабаха перерос в полномасштабную войну между военными формированиями Азербайджана

и Карабаха, при активной поддержке последнего Армении.

К концу года, в результате достигнутой экономической самостоятельности Литвы, Латвии и Эстонии, начался выход местных коммунистов из состава КПСС. Все эти акции дополнялись идеями выхода прибалтийских республик из состава СССР на основании незаконности их присоединения к СССР в 1940 году.

Эта проблема стала предметом обсуждения на II Съезде народных депутатов СССР, который проходил с 12 по 24 декабря. Договор между СССР и Германией, известный как пакт Молотова-Риббентропа от 23 августа 1939 г., подвергся переоценке в контексте общей переоценки советской истории. Для части политической элиты Прибалтики интерпретация этого договора (и секретного протокола к нему) как сговора двух агрессоров – СССР и Германии – послужила в качестве национальной идеи и обоснования выхода из состава СССР. Еще с 1987 года общественное мнение по поводу этого договора формировалось в республиканской прессе. Теперь оценку этого документа и сами события предвоенной истории СССР предлагалось дать на союзном уровне. В этом депутаты из Прибалтики нашли поддержку у российских демократов. В конечном итоге, Съезд осудил не только сам документ, но и признал его юридическую несостоятельность, чем обеспечил юридическое обоснование выхода республик из Союза. Фактически была легализована сама проблематика сепаратизма как некой естественной составляющей общедемократического процесса Перестройки.

Поставив под сомнение правовую сторону существования СССР, депутаты обеспечили бесспорный аргумент для сепаратизма остальных республик.

По накалу страстей, митинговой активности депутатов II Съезд мало отличался от I. Он принял Закон об изменениях и дополнениях Конституции по вопросам избирательной системы в связи с предстоящими выборами народных депутатов в республиках и на местах, Закон о конституционном надзоре СССР и образовал соответствующий комитет.

Тон на Съезде задавали радикалы. В публичную политику были введены новые идеи, противоречившие всей стратегии советского реформаторства – об отмене 6-й статьи Конституции СССР, о руководящей роли КПСС, демонтаже унитарного государства СССР. И в этом контексте – о переходе экономики к свободному рынку.

На внеочередном Пленуме ЦК КПСС (25–26 декабря 1989 г.) по итогам II Съезда Горбачев еще утверждал, что Литва – неотъемлемая часть СССР, что «второго Тбилиси» не повторится, что запрещать «Саюдис», исключать из партии Бразаускаса и пр. он не намерен. Но реальная обстановка на Пленуме свидетельствовала о том, что Горбачев терял власть. Около 200 высших партийных функционеров высказывали реплики с мест, «захлопывали» выступления членов Политбюро – сторонни-

ков генерального секретаря. В КПСС нарастала консервативная волна.

Деятельность первых съездов народных депутатов во многом демонстрировала незавершенность реформы политической системы. Об этом уже тогда говорили сторонники продолжения политической реформы, определяя сущностное предназначение съездов, как предшественников полноценного демократического парламента, способного выявлять действительную волю избирателей, вести текущую законодательную политику, учитывать баланс интересов и осуществлять контроль за исполнением законов.

Перенос центра власти из кабинетов ЦК в Кремлевский Дворец, таким образом, оказался не только географическим и политическим фактом советской истории, но и началом парламентаризма российской постсоветской истории. Сам 1989 год стал тем временем, когда в общественной жизни приобрели необратимый характер процессы политизации, вылившиеся в создание различных движений и организаций, составивших основу для формирования протопартий, вобравших в себя огромный спектр идеологических воззрений. Часть этих движений и организаций объединялась на идеях антикоммунизма, антисоветизма, национализма и либерализма – антиподных союзному реформаторскому проекту. КПСС вступила в фазу открытого раскола и создания различных идейных платформ и фракций, что привело, в конечном счете, к массовому выходу из ее рядов с лета 1989 г. по лето 1991 г. 2 млн. человек, или более 10 % общего состава.

Наконец, с этого времени начали формироваться программы преобразований, основанные на либерально-капиталистических идеях. В первую очередь – это национальные проекты России и республики Прибалтики.

27 октября 1989 г. были внесены изменения в Конституцию РСФСР и приняты новые законы РСФСР о выборах, что открывало дорогу уже российскому парламентаризму. Именно в конце этого года начался стремительный взлет политической карьеры Б. Ельцина, когда он принял решение баллотироваться в российский парламент с намерением стать его председателем.

Следует отметить, что экономическое реформирование страны, как и политическое, в 1989 году приобретало все более конфронтационный характер.

На социалистическом полюсе попытки привить рыночные механизмы к советской экономике рассматривались как губительные. В кругах экономистов этой идеологической направленности было убеждение, что распространенные в то время взгляды на теневую экономику, как следствие функционирования административно-командной, не состоятельны. Многие из них относились отрицательно к кооперации и к малой приватизации, начавшейся в 1988 году. Дискуссии эти, естественно, касались проблемы собственности.

Тем не менее, к концу года Программа постепенных рыночных реформ была принята реформатора-

ми за основу. Ее разработчики в Государственной комиссии по экономической реформе Совета министров СССР под руководством академика АН СССР Л.И. Абалкина – Е.Г. Ясин и Г.А. Явлинский – отстаивали признание на официальном уровне многообразия форм хозяйствования и собственности. План постепенной или умеренно-радикальной реформы противопоставлялся двум другим сценариям – консервативному (сохранению, в основном, старой системы) и радикальному (быстрому переходу к рыночной системе). В конце 1989 г. Г.А. Явлинский стал сторонником радикального варианта. Е.Г. Ясин был склонен к умеренно-радикальному.

Несмотря на относительно умеренный характер предложенной осенью 1989 г. программы, наиболее проникательные государственные деятели и хозяйственники, не говоря уже об ученых, правильно поняли ее конечный общественный смысл. Так, директор ленинградского приборостроительного завода «Светлана» Г. Хижа заявил на всесоюзном совещании по обсуждению этой программы: «Нам предлагается отказ от социализма».

Примечательно, что в этот период рождался и конструктивный (либерально-капиталистический) проект экономического реформирования. Летом 1988 года в ответ на просьбу советского посла в США Ю. Дубинина подсказать «что мы сами можем сделать», известный американский финансист Дж. Сорос и его научные консультанты (среди них – известный американский советолог Э. Хьюитт, английский советолог Ф. Хансен, один из основателей МВФ Я. Младек и венгерский экономист М. Тардош) разработали концепцию открытого сектора, который можно имплантировать в тело централизованной плановой экономики. В 1990 го-

ду этот проект разрабатывался как альтернатива социал-демократическому проекту Абалкина-Рыжкова. Позднее он разовьется в программах Е.Т. Гайдара и «младореформаторов» в рамках российского суверенитета конца 1990–1991 гг. и позже.

К концу 1989 года Горбачев, наконец, признал, что социалистическая доктрина, имевшая ограничительные рецепты реформ, безнадежно отставала от вызовов политического процесса. Были приняты решения, призванные придать легитимный характер новой идеологии. Был намечен созыв очередного съезда партии, было признано необходимым пересмотреть отношения к социалистической собственности.

Смысл и предназначение Перестройки были обозначены как переход к новому, обновленному социализму, отличному от того, что строили (командно-административной системы) и от того, что полностью опрокидывает выбор Октября – капитализма. Во многом это был социал-демократический проект. Но запоздавшие по времени идеи для внутреннего реформирования уже не играли особой роли. 1990 год был отмечен массой разрушительных для социал-демократического проекта событий. Центральными из них стали раскол реформаторских сил, оформление республиканских национальных реформаторских программ, формирование идей радикального решения экономического вопроса.

События 1989 года сыграли исключительно важную роль в политической истории российского государства. Идеи многопартийности, правового государства «нового мышления для мира», общечеловеческих ценностей вырабатывалась в жарких и драматичных спорах еще на советской парламентской сцене.

Сергей Маркедонов

Горячий август 1999 года: цена, итоги и уроки

7 августа 2009 года исполнилось 10 лет с начала вооруженного нападения отрядов боевиков под предводительством Шамиля Басаева и Хаттаба на Ботлихский и Цумадинский районы Дагестана. После захвата нескольких сел командиры «Исламской миротворческой бригады» (так были названы группы нападавших) объявили о начале операции «Имам Гази-Магомед». Таким весьма специфическим способом предводители боевиков попытались увековечить память первого имама Дагестана и Чечни (убитого 17 октября 1832 года во время штурма русскими войсками аула Гимры). Между тем, такое название демонстрировало и определенную историко-политологическую эклектику во взглядах «исламских миротворцев». Будучи сто-

ронниками салафитской версии ислама (которая жестко критикует сторонников суфизма и поддерживаемую им систему этических и общественных представлений), они апеллировали к имени видного теоретика северокавказского мюридизма (то есть одного из направлений в суфизме). Впрочем, целью Басаева и Хаттабы было не достижение совершенства в богословских диспутах, а вытеснение России из Северного Кавказа и создание исламистского проекта на территории не одной лишь Чечни, а всех северокавказских республик. Сами командиры «исламских миротворцев» рассматривали себя в качестве «практиков», охотно предоставляя другим выполнять за них идеологическую работу. Идеологи же кавказского «освободительного движения» в это время еще не сделали окончательного выбора в пользу радикального исламизма, пытаясь диалектически сочетать чеченский этнический национализм и идеи «чистого ислама».

* Сергей Маркедонов, заместитель директора Института политического и военного анализа, кандидат исторических наук, доцент РГГУ.

Однако события десятилетней давности по своему значению вышли далеко за пределы Чечни и Дагестана. Жесткая и бескомпромиссная позиция по отношению к боевикам Владимира Путина, ставшего 9 августа 1999 года премьер-министром и официальным преемником Бориса Ельцина, открыла ему путь на российский политический Олимп. Эта жесткость легитимировала факт передачи политической власти по наследству. Практически легитимность всего «первого срока» Путина была обеспечена Северным Кавказом. Это не могло не сказаться на внутривнутриполитической динамике в России в целом. Философия военно-политического менеджмента десять лет назад стала во многом определять умонастроения российского служилого класса. Будучи вынужденным, с первого же дня своей работы действовать в режиме «черно-белых оценок» (оправданных в случае басаевского рейда), Владимир Путин впоследствии не смог до конца преодолеть эту стилистику даже там, где она была неуместной. В этом смысле мы можем говорить о негативном влиянии атаки боевиков на российский внутривнутриполитический процесс в целом. Повторимся еще раз, в августе 1999 года на земле Дагестана призыв «мочить в сортире террористов» был оправдан, поскольку речь шла о выживании государства и его элементарной жизнеспособности. Но автоматический перенос данной методики на другие сферы (взаимоотношения власти и бизнеса, Кремля и оппозиции, государства и гражданского общества, выстраивание политики в других субъектах Северного Кавказа и региональной политики вообще, взаимоотношение исполнительной власти и парламента) отбросил Россию назад. Государство, которое в чрезвычайно жестких условиях формирования постимперской политической нации, когда «окна возможностей» для демократизации лишь незначительно открыты, добилось больших успехов по этой части (в сравнении с соседними постсоветскими образованиями), десять лет назад начало движение в обратном направлении. Допустимые в совершенно конкретных условиях авторитарные методы не были свернуты после того, как победа в Дагестане была одержана, а Чечня стала возвращаться под российскую юрисдикцию. Именно здесь надо искать причины последующей отмены выборов регионального управленческого корпуса, формирования ручных палат Федерального собрания, популизм, как главный ресурс для доказательства собственной правоты, а также маркирования любых оппонентов (даже выступающих с патриотических позиций), как оппонентов не власти, но едва ли не врагов страны в целом.

События десятилетней давности многие эксперты, политики, правозащитники называют (с разных позиций) «прологом» ко второй «чеченской войне». Думается, что такой вывод все же является упрощением. С одной стороны нападение 7 августа предопределило будущую вторую чеченскую кампанию. За полтора месяца боев в Дагестане погибло более полутора ты-

сяч боевиков, 280 российских военнослужащих (около тысячи было ранено). Отразив непосредственную агрессию Хаттаба и Басаева, российские военные и внутренние войска начали «зачищать» т.н. «Кадарскую зону», созданную также в августе (поистине роковой месяц!) 1998 года в селах Карамачи, Чабанмахи, Кадар Буйнакского района.

Но в то же самое время «вторая чеченская» была предопределена задолго до «горячего августа» 1999 года. Еще за год до нападения Басаева и Хаттаба в трех селах Дагестана исламские радикалы заявили об отказе подчиняться официальным властям Дагестана и о создании «Отдельной исламской территории», внутри которой произошла ликвидация официальной власти силовых структур, введение шариатского судопроизводства и вооруженных постов по защите «суверенитета» данной территории. По своей сути «Отдельная исламская территория» стала вторым после Ичкерии де-факто государством на российском Северном Кавказе. Ликвидировав «Отдельную исламскую территорию» 12 сентября 1999 года, Москва взялась за свою главную головную боль 1990-х – Чеченскую Республику Ичкерия.

Сегодня, спустя десять лет, политическая турбулентность на Северном Кавказе не преодолена. И в том, что именно 7 августа на Старопромысловском шоссе Грозного прогремел взрыв, в результате которого погиб один и было ранено два милиционера, можно увидеть недобрый знак. В этой связи необходимо и в 2009 году актуальными остаются ответы на два вопроса. Во-первых, какие причины привели к атаке, значение которой вышло далеко за пределы Дагестана и Чечни, Во-вторых, насколько адекватными и оправданными были действия всей российской государственной машины на Кавказе десять лет назад?

Отбросим сходные конспирологические теории о хитром заговоре Кремля для получения дополнительных голосов на президентских выборах преемника Бориса Ельцина. Российская бюрократия не склонна к таким неоправданным рискам. Кто мог просчитать реакцию местного дагестанского населения, предсказать поведение российских граждан (занимавших в период первой чеченской кампании отстраненную позицию). Тем более, что серия террористических атак против жилых домов в российских городах (Буйнакск, Волгоград, Москва) случилась 4-16 сентября 1999 года, когда операция в Дагестане входила в свою завершающую фазу и всем кроме упорных «общечеловеков» было понятно, что без ликвидации «федерации полевых командиров» в Ичкерии обеспечить безопасность Дагестана и всего Северного Кавказа не получится. Иначе ситуация 7 августа 1999 года повторится рано или поздно. Остановимся на системных предпосылках «горячего августа» десятилетней давности.

«Чеченский вопрос» (так же, как и другие этнополитические конфликты на постсоветском пространстве) стал следствием обвального распада СССР и формированием на его основе новых наций-госу-

01/2010

дарств. В этой связи искренне верить, что такой распад пройдет по границам союзных республик (нарисованным не общественным мнением, а волей партийных чиновников) мог только неисправимый оптимист. «Бунт автономий», начавшийся в конце 1980-х гг., привел после распада Союза ССР к разным результатам. С одной стороны здесь были Карабах, Чечня и Абхазия, Горный Бадахшан, а с другой – Татарстан, Башкирия, Крым или Аджария. В начале 1990-х гг. в Чечне к власти пришли сторонники светского этнического национализма, создания независимого от РФ национального государства. Реализация этого проекта не увенчалась успехом, поскольку спровоцировала внутреннюю нестабильность и гражданские конфликты. Более того, войдя в жесткое противостояние с Российским государством, де-факто Чеченская Республика Ичкерия обрекла себя на кровопролитную войну. Ее завершение в августе (снова август) 1996 года дало этому проекту новый шанс. Хасавюртовские соглашения, оглашенные 31 августа 1996 года, предполагали «отложенный статус» Чечни до 31 декабря 2001 года. Это, конечно же, не было ни признанием независимости, ни договором между двумя субъектами международного права. На эту тему совершенно определенно высказался Конституционный суд РФ, реагируя на запрос группы депутатов Госдумы на предмет конституционности Хасавюртовских соглашений. Высшая судебная инстанция России определила этот документ, как рамочное соглашение политического характера, в котором определены некоторые направления для дальнейшей разработки и реализации программы действий по обеспечению процесса мирного урегулирования в Чеченской Республике». Однако, ни в Карабахе, ни в Абхазии ничего даже близкого не было. Россия оказалась готовой к максимальному компромиссу со своей сепаратистской окраиной.

Между тем, этот компромисс был воспринят в Грозном, как поражение «империи». Как справедливо полагает политолог Тимур Музаев, «чеченская сторона стал толковать подписание Принципов определения основ взаимоотношений, как «признание независимости Чечни». Со всеми вытекающими последствиями. Таким образом, август 1999 года был предопределен августом 1996. Наверное, если бы у чеченской национальной элиты хватило бы сил и ресурсов для того, чтобы консолидировать власть и общество, побороть диктат полевых командиров, сегодня геополитическая ситуация на Большом Кавказе была бы иной. Но эта цель оказалась недостижимой. Внутри Чечни после 1996 года открылся конфликт между светскими националистами и сторонниками исламистской общественно-политической модели (чья военные формирования к концу 1996 года оказались наиболее сильными). А потому вся президентская деятельность Масхадова (был избран в январе 1997 года) свелась к постепенным уступкам радикалам, поставившим в качестве своей приоритетной цели развязывание уже

северокавказской религиозной войны против России. Именно они стояли у истоков создания Конгресса «Исламская нация» (24 августа 1997), Конгресса народов Ичкерии и Дагестана (26 апреля 1998). Сделав ставку на исламизм, они попытались раздуть большой пожар уже не только в Чечне, но и на всем Кавказе. Мишенью была избрана самая многонаселенная и крупная республика Северного Кавказа.

Десять лет назад их попытка оказалась провальной. И в этом, пожалуй, главный успех российской власти десятилетней давности, который даже сегодня не утратил своего значения. В августе 1999 года у элиты РФ хватило сил и воли для того, чтобы не только удержать Дагестан, но и вернуть под свой контроль утраченную в 1990-е гг. Чечню, остановить расползание сепаратистской угрозы. Однако, как говорил в свое время Фома Аквинский, «средства ведения войны должны быть адекватны ее конечной цели». С этим у Москвы и тогда, и сейчас серьезные проблемы. Во-первых, «горячий август» 1999 года ликвидировал вооруженную опасность для единства РФ. Но никакие системные уроки из этих событий не были извлечены. Власть и силовики посчитали, что все угрозы, исходящие с Северного Кавказа, могут быть решены исключительно в рамках «силовой парадигмы». Непонятыми остались предпосылки популярности радикального исламизма в обществе. Вне системного анализа оказались провалы и просчеты федеральной и региональной власти (клановое управление, невмешательство центра в политические процессы, приватизация не только собственности, но и власти). Каков результат? Сопротивление российской власти не только в восточной части Кавказа, но в западной стало более активным. Российское государство утратило ту легитимность, которой оно, бесспорно, обладало в 1999 году. Вспомним хотя бы массовую поддержку России дагестанским населением (простыми людьми из сел, записывавшимися в ополченцы и рискующими своими жизнями, не думая о социальных благах и гарантиях Кремля). Спустя 10 лет, такая поддержка у России еще осталась, но нельзя не заметить и активного «омоложения» тех, кто ищет свою реализацию в джамаатах и «эмиратах».

Более того, как мы уже писали выше, ликвидация последствий «горячего августа»-1999 создало представление у высшей власти, что жесткий антикризисный менеджмент является самым лучшим способом общественно-политического проектирования. Как следствие, использование жестких методов там, где это не всегда оправдано, и выстраивание черно-белой картинки восприятия внутренней и внешней политики. В этом смысле нападение боевиков, совершенное десять лет назад, имело определенный успех. Они добились от российской власти упрощения управленческого инструментария. Посчитав, что причиной экстремистской деятельности является излишняя свобода и демократия, федеральная власть начала «закру-

чивание гаек», которое в свою очередь отдалило власть от общества, а значит и чиновника от социальной действительности. Между тем, причины тогдашней и нынешней политической турбулентности на Северном Кавказе кроются не столько в излишней свободе, сколько в отсутствие адекватного представления о происходящих в регионе процессах. Обеспечить же такое представление

в «закрытом режиме» крайне сложно. Таким образом, и сегодня, спустя 10 лет после дерзкого рейда боевиков на Дагестан перед властью и обществом России стоит задача перехода от запоздалого реагирования к системной кавказской политике. Между тем, такой переход стал бы лучшим памятником тех, кто в августе 1999 года защитил единство страны.

Борис Бедросьян

Продолжение следует

В публикациях «Посева» о Николаевском Антониевом монастыре в статье «Храм» (№ 8, 2004 г.) и в публикации «Краснохолмский Николаевский Антониев монастырь» (№ 9, 2009 г.), изложенной на краеведческих чтениях, была рассмотрена духовно-историческая связь судьбы монастыря и региона, значение его восстановления, как нравственной и социальной опоры общества.

В последнее время и в самом Краснохолмском районе активизировался интерес к своей истории, что нашло отражение в публикациях районной газеты «Сельская новь» и в издании сборника «Край Краснохолмский».

При поддержке районной администрации 17 июля 2009 года в Красном Холме в краеведческом музее прошли чтения, посвященные краеведению и монастырю. В этом же году 27 ноября в Доме народного творчества была проведена конференция на тему «Краснохолмский Николаевский Антониев монастырь: история и будущее».

Проект Охта-Центр

Никольский собор Антониева монастыря

В этих мероприятиях, прошедших при большом скоплении жителей, принимали участие местные краеведы, ученые-историки, искусствоведы и реставраторы, специалисты государственных, музейных и местных архивов, иноки, представители печати, прибывшие на эти мероприятия из Твери, Санкт-Петербурга и Москвы. Увы, не состоялось участие представителей Тверской епархии, давшей конференции благословение владыки.

С надеждой на конференции прозвучали слова главы района:

– Историю повернуть мы не можем, но изменить будущее – в наших силах!

Выступившими на конференции видными учеными и специалистами была выражена серьезная обеспокоенность состоянием монастыря. В особенности Никольского собора, возникшего в XV веке, как важная духовная составляющая, и доселе являющегося единственным в стране примером столь равнодушного отношения к своей истории и культуре. Удивительный памятник архитектуры разрушается у всех на глазах.

Дельными были предложения о неотложных организационных мерах. Учитывая, что по Федеральному законодательству проведение работ по сохранению должен проводить собственник или пользователь объекта, Тверская епархия его бы взяла. Но пользование объектом сейчас практически невозможно. А его восстановление потребует такого объема затрат, с которым епархия сама не справиться.

01/2010

ся. Поэтому, с одной стороны, необходимо создание фонда, который мог бы концентрировать поступающие внешние средства от пожертвований, что помогло восстановлению Старицкого монастыря Тверской области. С другой – необходимо обратиться к губернатору Тверской области о включении монастыря в мероприятия областных программ и к министру культуры РФ о включении объекта в федеральные программы и заявлении проекта в Федеральную программу «Культура России». Очень будет нужна, особенно на ранних этапах, помощь населения в проведении простых работ. На конференции была названа примерная цифра в 1 миллиард рублей на восстановление монастыря.

В финале конференции прозвучал иноческий призыв:

– Воскресение монастыря должно начаться в сердце каждого из нас!

Осмысливая все сказанное, выделим главное. При воссоздании храмовых объектов, конечно, важен внешний, соответствующий историческому архитектурному воплощению и благолепию, без излишнего блеска и китча, образ. Но и без, внутреннего духовного содержания, это будет не храм. А нравственное оздоровление народа без сакрального смысла покаяния невозможно. Поэтому и то, и другое потребует сопричастности мирян, вносящих посильную лепту, в том числе своим трудом там, где требуется деликатность рук. Ведь известно, что мы любим то, и дорожим тем, во что вложили свою любовь и свой труд. Возможно, что кто-то войдет в монастырскую общину, а кто-то активней займется сельским хозяйством или другими полезными промыслами.

Безусловно, создание фонда и включение Николаевского Антониева монастыря в федеральные и региональные программы давно назрели и требуют деятельного совместного участия администрации, Церкви и общественности, учитывая коллизию между федеральным значением объекта и его региональным использованием. Поэтому, к решению этих проблем необходимо привлечь внимание центральной власти. Для нас привычно, что все должно начинаться по команде из Центра. Власть у нас, конечно, много чего может. Вот сегодня, в трудные времена, опять много говорят об излишествах. А не излишество ли, настаивать на весьма дорогом, эстетически сомнительном, с точки зрения места, исполненном гордыни проекте очередной вавилонской башни, с неудобопроизносимыми фрейдистскими ассоциациями в исторически вполне мужественном городе? И это несмотря на возражения деятелей культуры, жителей города и угрозу ЮНЕСКО лишить Санкт-Петербург статуса города, обладающего всемирным культурным и архитектурным наследием. Неужели недостаточно опыта Москвы? Ну, а если госкорпорация очень хочет сильно потратиться, то она может, наконец, не корыстно газифицировать небогатую Центральную Россию – Красный Холм, например. А также, заняться финансированием воссоздания таких национальных духовно-культурных объектов, как Николаевский Антониев монастырь, судьбой которого обеспокоены ученые и специалисты, пастыри и администраторы, словом граждане – православная интеллигенция различных регионов и народ России.

Завершаем наших читателей, что судьба Николаевского Антониева монастыря постоянно находится в нашем поле зрения. И мы будем ее освещать на своих страницах.

КНИГИ И ЛЮДИ

Борис Пушкарёв

Энциклопедия офицерства РОА

*«... что лучшие придут, иные времена
и наша Родина, великая как прежде,
припомнит подвиг наш и наши имена».*

Из стихотворения 1945 года

ВМоскве, в Доме русского Зарубежья им. А.И. Солженицына 25 ноября 2009 года состоялась презентация вышедшей этой осенью в издательстве «Посев» в Москве книги Кирилла Михайловича Александрова «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945; Биографический справочник». Книга представляет собой энциклопедический научный труд, в ней

1120 страниц большого формата: это плод почти 18 лет работы автора в архивах Российской Федерации, Германии и Соединенных Штатов, Книга носит подзаголовок «Издание второе, исправленное и дополненное» Это ссылка автора на одноименную книгу вышедшую в 2001 году в Петербурге, но на самом деле это преимущественно новый труд, по объему он во много раз больше первого.

В Институте Региональной прессы на Лиговке
Фото Максима Дыникова

Ядро книги представляют собой 170 биографий офицеров, служивших в Вооруженных Силах КОНР (Комитета освобождения народов России) то есть как бы союзной с Германией русской армии, существовавшей с ноября 1944 по май 1945 года. В список не вошли офицеры – советские граждане и эмигранты, служившие непосредственно в войсках Вермахта и СС и не успевшие (или не пожелавшие) попасть в ВС КОНР. Приведенные в книге биографии разной длины – некоторые по одной странице, некоторые по несколько страниц, а очерк про А.А. Власова занимает 40 страниц плюс 30 страниц примечаний, что служит примером доскональности всего исследования. Большинство очерков снабжено редкими и труднодоступными фотографиями.

Всего в ВС КОНР служило более тысячи офицеров и выборка тех 170, чьи биографии попали в справочник довольно случайна – это те, о ком автору удалось найти достоверные данные. Причем критерий достоверности у него строгий – сведения о них должны были находиться не только на западной стороне, но и на советской, в архивах Министерства Обороны и других ведомств. Обычно они проходят по категории «пропавших без вести». Это преимущественно лица в чине майора и старше (74%). Не совсем репрезентативный характер выборки тем не менее позволяет делать интересные сравнения, которым посвящено 28 таблиц. Из 170 человек, круглым счетом 140 советские граждане, а 30 человек – эмигранты. Из советских граждан 37% лица с высшим образованием и 45% начали сотрудничество с противником только после 1942 го-

да, то есть тогда, когда победа Красной Армии стала уже вероятной, и обозначилась туманная перспектива создания русской антибольшевицкой армии. Про этих людей никак нельзя сказать, что они «спасали свою шкуру»: условия в лагерях военнопленных к тому времени стали лучше и, они шли на большой и очевидный риск. Интересна и судьба перечисленных в справочнике офицеров после 12 мая 1945 года. Из советских граждан 27% были казнены советскими органами, 6% погибли при других обстоятельствах, 19% были отправлены в исправительно-трудовые лагеря и 34% остались в эмиграции (судьба остальных 14% неизвестна).

Помимо статистических обобщений справочник содержит опыт реконструкции штатного и боевого расписаний Вооруженных Сил КОНР, именной указатель, библиографию и, что весьма существенно, вводную статью на 120 страниц, ставящую судьбы людей и их нравственный выбор в общий контекст драматической истории России в XX веке.

Энциклопедический труд К.М. Александрова не снимет острых эмоциональных споров, которые до сих пор, 65 лет спустя, бушуют вокруг власовского движения. Но по крайней мере невежество, которым эти споры часто грешат, не имеет больше оправданий. Желющие знать факты могут эти факты теперь узнать.

В самом начале декабря в Санкт-Петербурге прошла презентация новых книг Издательства «Посев».

На суд читателей, собравшихся в Институте Региональной Прессы на Лиговке, было представлено несколько книг.

«Две России XX века. 1917–1993» – глубокий и обширный труд Бориса Сергеевича Пушкарёва, председателя Содружества «Посев» и члена совета НТС, подготовленный им совместно с шестью соавторами (трое из них – петербуржцы). На презентации присутствовали двое из них, историк Кирилл Александров и правозащитник Вячеслав Долинин. Их совместный труд представляет собой попытку создать многомерную историю ушедшего века России: советская власть и сопротивление этой власти; пред-

В Институте Региональной прессы на Лиговке
Фото Максима Дыникова

В Институте Региональной прессы на Лиговке
Фото Максима Дыникова

посылки крушения исторической России вместе с тенденциями послесоветского периода. Хронологическая таблица, рассказывающая о событиях из истории советского сопротивления, как правило, не нашедших отражения в традиционных учебниках, а также указатель имен с биографическими данными укрепляют читательское доверие к авторскому коллективу, стремившемуся создать как можно более полный портрет эпохи. Книга, предназначенная широкому кругу читателей: студентов, преподавателей и всех, кому интересна современная история, для Б.С. Пушкарева стала своеобразным завершением труда всей жизни его отца Сергея Германовича Пушкарева, самого известного историка российской эмиграции. Знаменательно, что презентация «Двух Россий» прошла через несколько дней после юбилея Б.С. Пушкарева.

Другая книга издательства представляет собой мемуары Чан Кайши «Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет». Выдержав несколько изданий на многих языках мира, в 1961 году книга впервые была издана в русском переводе во Франкфурте издательством «Посев». Нынешняя версия – второе исправленное и дополненное издание, осуществлено в сотрудничестве с Possev-Frankfurt/Main под научной редакцией профессора А.В. Панцова.

И еще одна работа, пользующаяся неизменным вниманием специалистов – «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945». Исследование Кирилла Александрова, созданию которого предшествовала многолетняя работа автора в отечественных архивах – Министерства Обороны и Федеральной службы безопасности, а также в зарубежных архивах США и ФРГ.

Множество вопросов и комментариев продемонстрировали, что издательству удалось обнаружить несколько чрезвычайно горячих, по-настоящему болевых точек в освещении отечественной истории.

Предполагается, что эта презентация откроет ряд юбилейных событий. День рождения издательства «Посев» приходится на 11 ноября, и осенью года будущего ему исполнится 65 лет. Празднует свое 80-летие и НТС, Народно-Трудовой Союз российских солидаристов, общественно-политическая организация, основанная в Белграде эмигрантской молодежью в июне 1930 г. Успешно ведутся переговоры о выставке Содружества «Посев» в Праге. В Петербурге юбилейные события планируется завершить выставкой в Музее истории города в начале нынешней осени.

Ролики с фрагментами петербургской презентации можно увидеть в Интернете на сайте: www.youtube.com

Соб. инф.

Ростислав Полчанинов

Русский Белград

В конце 2008 г. в издательстве Московского университета вышел сборник различных материалов – от воспоминаний до стихов, – с множеством иллюстраций о русских в Белграде под редакцией В.А. Тесемникова и В.И. Косика. Тираж 1000 экземпляров, что для книги подобного содержания совсем неплохо.

В книге пять отделов: 1) зарисовки Белграда, 2) русские в Югославии (отрывки из книги В.А. Маевского), 3) образование и наука, 4) литература и искусство и 5) памятные встречи (В.А. Тесемников). Рассказывается о русских именах в названиях улиц Белграда, приводится и именной регистр русских эмигрантов, упоминаемых в книге, составленный В.И. Косиком.

Владимир Алексеевич Тесемников, доцент Московского университета – специалист по Югосла-

вии, много лет преподает на кафедре истории южных и западных славян Исторического факультета. Долгое время он работал в Белграде в Доме советской культуры, который теперь снова называется Русским домом. Свои знания по русской эмиграции активно передает студентам МГУ.

Виктор Иванович Косик два года в Белграде, в том же Доме советской культуры работал лектором. Последующая его научная деятельность связана с Балканами. Свободно говорит по-сербски. Автор ряда книг о русских на Балканах и более полутора сотен статей на темы, связанные с Балканами. Работает в Институте славяноведения.

Почти треть книги занимают отрывки из работы В.А. Маевского «Русские в Югославии 1920–1945 гг.», изданной в Нью-Йорке в 1966 г. Автор назван «летописцем русской эмиграции в Юго-

славии», хотя было бы правильнее назвать его «летописцем русского Белграда». Кроме того, в предисловии «От составителей» о нем сказано, что «будучи патриотом России, он несколько пристрастен в своих оценках». Мне кажется, что в оценке НСНП – Национального Союза Нового Поколения, ныне НТС, он не «несколько», а «очень даже» пристрастен. Он упрекает НТС в том, что там, молодежь «на манер большевиков» проходила курс «политграмоты» (кавычки В.А. Маевского. – *Р.П.*) «по специально изданным тощим руководствам», и утверждает, что НТС или как их тогда, в 1930-х годах называли, «нац-мальчики», «как политическая сила малоценны». История показала, что советское правительство, вскоре после создания НСНП в 1930 г., потребовало сперва от властей Болгарии закрытия газеты нац-мальчиков «За Россию», а когда газета стала выходить в Югославии, потребовало того же и от правительства Югославии. Подобного внимания не удостоилась ни одна газета Русского Зарубежья. Кроме того, возможно, что по указке из Москвы, борьба с «нац-мальчиками» велась партией младороссов, глава которой А.Л. Казем-Бек, как потом оказалось, был советским агентом.

Владислав Албимович Маевский (1893–1975) был интересным человеком. О нем В.И. Косик написал, что он в молодости много путешествовал и в 1913 г., когда ему было только 20 лет, выпустил свою первую книгу «Путевые наброски» (Турция, Сербия, Черногория, и принадлежавшая Австрии Далмация). В 1914 г. издал книгу «Великая Россия и героическая Сербия». Он, кажется, в Белой армии не служил, а покинул Россию 25 января 1920 г. В Югославии получил высшее образование, был библиотекарем библиотеки Патриарха сербского, и с апреля 1930 г. секретарем патриарха Варнавы. Он автор ряда книг и сборника стихов «Искры». В годы войны был арестован и отправлен нацистами в концлагерь.

В «Предисловии» сказано, что «конечно, Белград – это не культурный город, такой, как Париж или Берлин. Но он украшен зданиями в стиле русского ампира, русскими памятниками, русским искусством, русской наукой, самым присутствием в нем русских, вдохнувших новую жизнь в пострадавший от войны (имеется в виду Первая мировая – *Р.П.*) город. И власти Белграда, правительство страны, королевская семья Карагеоргиевичей, в свою очередь, всегда стремились к тому, чтобы русские таланты не заглохли, а послужили на благо родному славянству. Были, конечно, и обиды, и ущемленная гордость, и непонимание – но все эти «мелочи жизни» лишь резче оттеняли историю русского Белграда».

Книгу открывает стихотворение И. Северянина «Калемегдан в апреле». Калемегдан это крепость, построенная турками у слияния рек Савы и Дуная, на месте, где когда-то был римский город Сингидунум, что в переводе с турецкого значит «Поле битвы».

Далее идет статья Н.З. Рыбинского «Русский Белград». Автор пишет, что «Белград естественно

является центром, к которому тянутся нити от всей эмиграции, расселенной по всем городам и весям королевства». Добавлю от себя, что не только от эмиграции, проживавшей в Югославии, но и от русской эмиграции, где бы она ни проживала.

В Сремских Карловцах, а это совсем недалеко от Белграда, пребывал в 1920–1930 гг. Синод, а в Белграде канцелярия Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей. В Белграде небольшая русская церковь Св. Троицы стала усыпальницей последнего Главнокомандующего Русской армии генерала П.Н. Врангеля, покоящегося под сенью знамен русских полков. Знамен в церкви больше нет, но могила находится и ныне там. В Белграде был центр и русского сокольства и НОРС-Р – Национальной Организации Русских Скаутов-разведчиков и многих других общественных и политических организаций. Там, в Белграде, на съезде русской молодежи в 1930 г. был образован НСРМ – Национальный Союз Русской Молодежи, переименованный в 1931 г. на Втором съезде в Белграде в НСНП – Национальный Союз Нового Поколения, имевший свои отделы во всех странах Русского Зарубежья.

Вот этим общественным и политическим организациям и многому другому и посвящена вторая часть книги, состоящая из материалов, заимствованных у В.А. Маевского. Это главы: «Прибытие русских беженцев и их размещение», «Русский храм и приход», «Памятник русской славы» – усыпальница русских воинов, погибших за свободу сербов, хорватов и словенцев на Солоникском фронте в Первую мировую войну на русском участке кладбища, там же, где была построена и копия разрушенной большевиками в Москве Иверской часовни.

Далее, в этом же отделе главы: «Русская библиотека и архивы», «Работа русских специалистов», «Враждебные выступления», имеются в виду оскорбительные для русских передачи по государственному радио «Сережа и Ниночка», «Русская печать в Белграде» и «Русские организации». Обе написаны интересно, но как-то поверхностно. Их, в какой-то степени, дополняют короткие заметки «Высшие военно-научные курсы. Военные организации» и «Общество ревнителей военных знаний».

Глава «Русские организации» начинается с упоминания НСНП, младороссов и небольшой группы «туркуловцев». Если НСНП имел свой центр в Белграде, то и у младороссов и «туркуловцев» центры были в Париже. Младороссам В.А. Маевский уделил более страницы, «туркуловцам» одну фразу о том, что среди них «подвизались главным образом полковник Е.Э. Месснер и Л.А. Сердаковский, а где-то, в конце статьи коротко упомянуто «Представительство Братства Русской правды – С.Н. Палеолог». В 1920-х годах БРП – Братство Русской Правды играло в истории эмиграции заметную роль, и наравне с боевиками генерала Кутепова, вело непримиримую борьбу с большевиками.

01/2010

Боевики делали вооруженные вылазки в СССР, а БРП – занималось также и антикоммунистической пропагандой, посылая в СССР людей и листовки, и имело подпольное радио в Латвии.

А.П. Кутепов был похищен в 1930 г., а БРП большевикам удалось развалить в 1932 г. засланными туда агентами. Конец БРП совпал с началом работы НТС. Большевики сразу почувствовали в НТС своего нового и опасного врага, и группа советских агентов безрезультатно пыталась захватить в НТС некоторые руководящие посты.

В конце отдела В.А. Маевский пишет о короле Александре, о Второй мировой войне, о признании Югославией Советского Союза, о русских в Белграде в годы немецкой оккупации и о приходе красных.

Третий отдел сборника «Образование и наука» посвящен статьям разных авторов о Русско-сербской гимназии, о русских студентах и о русских профессорах и ученых, объединенных в Русском научном институте.

В четвертом отделе «Литература и искусство» говорится об участии русских в сербских театре, опере и балете, о русских художественном и музыкальном обществах, и о литературных кружках. Об этих кружках написала Л. Алексеева, участвовавшая во всех трех. Интересно отметить, что каждый второй поэт был членом НСНП: и Ю. Герцог, и А. Неймирок, и В. Гальской, и К. Халафов.

В описании русских периодических изданий в Белграде, особое внимание уделено сатирическому журналу «Бух!!!». Целая 21 страница. Никто и ничто в сборнике не удостоилось такого внимания. И правильно. Там, что ни строчка, то про русских белградцев, а ведь книга так и названа – «Русский Белград».

«Бух!!!» был главным сатирическим журналом эмиграции. С 1930 г. по 1936 г. вышло 30 номеров. С 1933 г. он даже выходил параллельным изданием в Париже. Это удивительно, так как многое в «Бухе!!!» было понятно только русским в Югославии. Например, в «Задачах для любителей математики» говорилось: «Некто продает неизвестное количество чужих колец, орденов, крестов и мехов, взывая 10% с суммы, передаваемой им собственнику проданного» <...> «Спрашивается, в какой срок эмигранты преподнесут ему звание филантропа?» Имелся в виду хозяин комиссионного магазина и общественный деятель, Григорий Миткевич, по прозвищу «Гриша филантроп». Но «задача» была остроумной и не обязательно было знать, к кому она относится.

Стишки про младороссов были понятны не только белградцам, но и всем русским:

*Прихлестнув царя к советам,
Казем-Бек пред целым светом
Показал, что волк с козой
Могут жить как брат с сестрой.*

Имелся в виду младоросский лозунг «Царь и советы», призывавший эмиграцию не бороться с советской властью, а только думать о восстановлении монархии.

В последнем отделе В.А. Тесемников очень тепло вспоминает о встречах в 1970-х годах с потомками белой эмиграции, оставшихся в коммунистической Югославии после второго исхода в 1950-х годах.

«В толпе их, эмигрантов первой волны, можно было сразу узнать. Их выдавал не только возраст, но и неторопливые, несуетные, исполненные собственного достоинства движения, какая-то особенная, уважительная манера общения. Но что особенно поражало, так это их русский язык, скорее литературный, чем разговорный (в нашем понимании), никаких скороговорок, никаких слов-паразитов».

«Русские имена в названиях улиц Белграда», всего одна страница, но на ней перечислено 41 имя. Сведения взяты из туристического путеводителя 2005 г. Автор статьи не указан, но справедливо отметил: «История не только называет, но и стирает названия. Так ушли в прошлое имена Ленина и генерала Махина, нет больше на карте Белграда бульваров Октябрьской революции и Красной армии». Добавлю от себя, что нет и Сталинградской улицы, которая после разрыва Тито с СССР была переименована в Македонскую. На этой улице была редакция старейшей сербской газеты «Политика», основанной братьями Рибникарами, и называвшаяся до 1941 г. улицей братьев Рибникаров. До 1941 г. в Белграде, по моим сведениям, было всего две улицы с русскими названиями: царя Николая и генерала Раевского.

Улицы генерала Раевского нет в именном регистре и потому скажу о нем несколько слов. У Льва Толстого в «Анне Карениной» он выведен под фамилией Вронского и о нем сказано, что он отправился добровольцем на Балканы. Русский полковник-артиллерист Раевский был произведен сербам в генералы и погиб в боях за свободу Сербии. На месте гибели его родные построили храм-усыпальницу.

В коммунистическое время улица царя Николая была, вероятно, переименована, но улица Раевского переименована не была.

Последняя глава сборника – составленный В.И. Косиком «Именной регистр русских эмигрантов, упоминаемых в книге». В.И. Косик пишет о епископе Гермогене (Максимове), возглавившем в 1942 г., ради спасения жизней православных сербов, автокефальную Хорватскую православную церковь: «имеются сведения, что русская церковная община в Сараеве первой признала ХПЦ». ХПЦ была неканоничной церковью, и у меня есть доказательства, что о. Алексей Крыжко, настоятель русского прихода в Сараеве, несмотря на давление со стороны властей, не признавал ХПЦ и не поминал во время богослужений имя гонителя православия Анту Павелича, возглавлявшего в годы войны хорватское марионеточное правительство.

Тем не менее, указанный регистр, так же, как и вся книга, является ценным справочником для историков русской эмиграции и русских в Югославии.

Ольга Эдельберг

III международный кинофестиваль фильмов Русского Зарубежья

В ноябре в Москве в Библиотеке-фонде Русского Зарубежья имени А.И. Солженицына состоялся III международный кинофестиваль фильмов Русского Зарубежья организуемый энтузиазмом кинорежиссёра и продюсера Сергея Зайцева и его верных сподвижников.

В этот раз, как извещал читателя «Посев» в 10-м номере, на фестивале, на ряду со всеми другими картинами демонстрировался и «наш» фильм «Редлих – люди с той стороны». Возможно один из немногих произведений, сделанных в России про историю видных деятелей НТС без обычного советского или постсоветского ажиотажа. Роман Николаевич Редлих – главный герой фильма, многие годы был одним из самых видных членов НТС и Русского Зарубежья, и тем интересней был показ фильма с приездом его сына и тоже, по наследству, члена и редколлегии «Посева» и Совета НТС – Андрея Романовича Редлиха. Увы, Людмила Глебовна Редлих (Скуратова) – главное действующее лицо фильма, находится слишком в преклонном возрасте, и на подобные встречи с публикой уже сил не находит.

Фильм снят был за год до смерти Романа Николаевича, во Франкфурте режиссёром и продюсером Григорием Амнуэль, не раз в своём творчестве с разных сторон обращавшегося к проблемам и историям обширной русской эмиграции разных лет послереволюционной трагедии 1917 года. Фильм построен очень просто, плавные, истинно интеллигентные монологи Романа Николаевича и Людмилы Глебовны, а также Андрея Романовича о судьбе своей семьи. Увы, достаточно типичной для Русского Зарубежья в Германии. Об истории любимой страны, разумеется, России, о религиозных и философских, а порой и политических размышлениях, ведущихся на «русских кухнях» в любой семье

Андрей Редлих и Григорий Амнуэль

и в любом городе, и всё это сопровождается фотографиями и документами прошедшей эпохи XX века. Эпохи страданий, потерь, переломов, но и громадной любви к людям, к Вере, к своей Родине. Да, фильм смонтирован просто, без изысков, да, некоторые факты скорее обобщающие, чем конкретные по отношению к тому или иному человеку, но в том и ценность – это рассказ не о себе любимом, а обо всём поколении. И, наверное, самое главное – это, правда с той стороны, которая и сегодня в XXI веке оказывается взрывающей и проламывающей стену «советского знания».

Это уже четвёртый показ фильма в России. Был диплом кинофестиваля правозащитных фильмов «Сталкер», но главное, это не призы, а разговор, который всегда происходит после просмотра. В этот раз, благодаря устроителям фестиваля к разговору приглашали и дата показа, 8 ноября (жаль, что не 7.11.) и время показа (фильм в малом зале демонстрировался последним, но не поздно, в 16.00 часов), и у желающих было время на разговор. Нужно отметить, что желающих набралось столько, что некоторые вынуждены были слушать, именно слушать, а не смотреть фильм, из коридора, прильнув к открытым дверям, даже член жюри кинофестиваля смотрел фильм, стоя в дверном проёме.

Разговор получился. Здесь было всё, и дежурные проклятья на голову А.А. Власова и РОА, и за-

* Ольга Эдельберг – неслучайный зритель фильма и фестиваля из Германии.

01/2010

явления, что дворяне в революции не все погибли, а некоторые даже неплохо выжили, к примеру, Михалковы. Что врагов нужно судить. Что жаль, что Нюрнберг был после 1945, и не был после 1991 года.

Что удивительно, как, родившись далеко от Родины, можно так её сильно любить, и так прекрасно знать русский язык, старый, родной, литературный, а не площадно-базарный говор толпы. Были утверждения о величии революции и продвига советского «народа-«освободителя», и напоминание, что в стенах, носящих имя А.И. Солженицына оды советской власти, по которой ностальгируют некоторые граждане и зрители, – НЕУМЕСТНЫ. В общем, был «заинтересованный разговор», и особенно интересно, что в своих выступлениях зрители из Грузии и Азербайджана (а в зале были далеко не только граждане РФ) особенно благодарили за честность позиций в фильме и за прекрасный урок, как нужно любить свою Родину. Да и вообще, в выступлениях более молодых зрителей звучал оптимизм и трезвое понимание того, что их глазам предстала не

пропаганда, а документ истории, которую нельзя фальсифицировать.

Фильм не получил приза, а только диплом. Главные призы в документальном разряде получили «заслуженный певец ленинианы», теперь перекалфицировавшийся в «зарубежники», и, разумеется, «фильм цикла того-самого Михалкова» – «сохранившегося», (но не видящего серьёзных отличий между кадетами, юнкерами и суворовцами), всё это не важно. Важно, что был показ, был разговор и был реальный взгляд на Русское Зарубежье, за что и авторам фильма, и прилетевшему специально в Москву А.Р. Редлиху, и, разумеется, организаторам кинофестиваля низкий поклон и огромное спасибо.

А закончить позволю себе ответом Андрея Романовича на вопрос из зала: «Вы не жалеете, что Вы и Ваши родители прожили такую жизнь?» – «Нет, не жалею, жаль, что вдали от Родины, но это было не по нашей воле, а вопреки ей!» И ещё добавлю слова Людмилы Глебовны из фильма: «... Но мы всё равно боролись, и это было лучше чем, соглашаться на всякие их глупости».

Здоровья Вам и новых показов и бесед.

Григорий Амнуэль

2009 – что было... что будет...

В Копенгагене безрезультатно заканчивается мировая конференция по климату и потеплению, снег заваливает Вашингтон, Париж, Брюссель, Москву, мороз сковывает Россию, Европу, Америку, экономический кризис охлаждает Рождественское и Новогоднее веселье и разгул, заканчивается 2009.

Нет, разумеется, я не претендую на подведение итогов года, на аналитику и воззрения в будущее, так, просто хочу поделиться с Вами своими чувствами. Надеюсь, это не испортит Вам праздничного застолья!

Трудный год выпал на долю Мира, ну да Господь с ним, с Миром, поговорим о своей России. Какая она запомнится в уходящем году? Боюсь, прежде всего – скорбящей.

Саяно-Шушенская техногенная катастрофа, чуть-чуть не перевалившая в крупнейшее бедствие с гибелью почти сотни инженеров и рабочих (траур объявлен). Террористическая (официальная версия) катастрофа Невского Экспресса с гибелью более двадцати граждан, среди которых оказались даже чиновники общегосударственного уровня (траур не объявлен). Пожар в развлекательном клубе в Перми более полутора сотни погибших (траур объявлен). Это только самые, самые заметные случаи, но были ещё и падения самолётов и вертолётных, аварии и прочая череда несчастий. Были почти ежедневные сообщения об убийствах на Северном Кавказе, от министров до правозащитников, и были трагические, эпохальные уходы из нашей жизни **Великих Россиян: А. Абдулова, В. Невинного,**

Б. Покровского, П. Вельяминова, В. Аксёнова, О. Янковского, И. Дыховичного, В. Тихонова, Г. Бакланова, И. Шварца, Е. Гайдара и многих других – положивших весь свой талант, труд, жизнь на алтарь Отечества. Были убийства журналистов, правозащитников, были трагические смерти в застенках «бутырок»... Была двадцатая годовщина смерти, гибели! – Андрея Дмитриевича Сахарова – так и невосполнимой утраты российской политической и общественной жизни. Был отказ депутатов ГД ФС РФ (под благовидным предлогом – дабы не делать провокаций) почтить минутой молчания память бывшего и.о. премьер-министра России, бывшего депутата Егора Тимуровича Гайдара. Увы, очень трудно оторвать себя от тёплого насиженного кресла! Но народ 4 часа шёл прощаться с ним, несмотря на мороз и снег, как двадцать лет назад, народ САМ, а не по воле власти шёл бесконечной вереницей за гробом.

Разумеется, были и не столь трагические моменты – был бесславный проигрыш очередного цикла футбольного чемпионата мира, не помог ни «чудо-голландец», ни явление на стадионы высочайших особ, ни гигантский (провокационный в данном, по крайней мере, случае) плакат «Родина-мать зовёт!». Всё-таки футбольное поле – не поле битвы за судьбу Родины! Было до сих пор обсуждающееся письмо-статья Президента Д.А. Медведева – о развитии России, посеявшее в умах многих россиян надежду на будущее – достойное и справедливое. Было в очередной раз побившее шоу-рекорд обще-

ние премьера с народом посредством услужливых и общедоступных каналов. Были бесконечные заявления членов Правительственной команды о том, что «...**кризис не для России...**», что «...**кончается эпоха доллара и восходит эпоха рубля...**», что «...**наша суверенная экономика, как и суверенная демократия на правильном пути развития страны и общества, и никакие штормы мирового кризиса им не грозят...**», «...**грозят, но не сильно...**», «...**уввы, грозят, несмотря на наши усилия...**», «...**грозят, но мы на спокойном дне, и сможем пережить кризис...**»... и так далее. Несмотря на эти рапорты – безработица растёт. Моногородам объявлено о возможном удалении их с карты страны. Идёт дальнейшее перемещение по вертикали власти одних и тех же «справившихся чиновников», ну и награждения вплоть до генеральских званий. Правильно и победоносно проходят выборы в регионах, цифры поражают единством мнений и волеизъявлений! На отдельно взятом Рублёвском шоссе открываются бутики, рестораны и концертные залы, в которых выступают мировые знаменитости. Растут многомиллионные особняки и многокилометровые заборы, соперничающие в высоте и длине с кремлёвской стеной. В это время людям выплачивают пособие по безработице, по сокращённой рабочей неделе, по частичной не занятости. 60% – 50% – 40%, – 30% зарплаты (итак очень и очень небольшой). Но народ рад, во-первых, оказывается опять можно получать деньги просто так, даже не за работу, во-вторых, освободилась масса свободного времени – можно заняться огородом (очень имеет смысл в целях общенациональной продовольственной безопасности). Можно заняться лесными и полевыми заготовками (вкуснейших русских грибов и ягод), наконец богатой охотой и рыбалкой. Можно отдохнуть с семьёй, с детьми, многие заявляли, что первый раз в жизни отдыхали летом – так что в тёплое время народ получал удовольствие в меру сил и возможностей. Правда тоже случались эксцессы: некоторые, несознательные, выходили на дороги и трассы, бастовали, но прилетал премьер, садился в кружок чистеньких в фирменных спецовках тружеников, и всё улаживалось, в крайнем случае, очередной олигарх получал – публичную взбучку, и менее публичную помощь из бюджета. Таким образом, жизнь в стране продолжается, то ли несмотря, то ли вопреки.

Внешнеполитически у нас тоже есть чему порадоваться, после почти столетней изоляции Россия и Ватикан (Святой Престол) наконец под давлением здравого смысла установили полноценные дипломатические отношения, что Бог даст, будет способствовать нормальному диалогу, как между государствами, так и в обществе. Есть и признания другого рода, наших подопечных Ю. Осетию и Абхазию за договор об экономической помощи в размере 50.000.000, разумеется, в инвалюте, дипломатически признало «крупнейшее государство планеты» Науру (численность населения менее 15.000

человек). Громогласно, как всегда прозвучали выступления лидеров страны на Вестерплатте, на переговорах с Генеральным секретарём НАТО, во время многочисленных встреч и в ходе Саммитов с Обамой, Саркози, Меркель, Берлускони и другими мировыми лидерами от Китая до Венесуэлы. Под конец года, особо «отлично» выступил ньюсмейкер Д. Rogozin: «...**В Мире создаётся фашистско-националистический интернационал против России...**», «...**нашим отношениям с Миром мешают разные тараканы...**» Заметьте себе, это говорит публично, здоровый, хорошо информированный мужчина в полном расцвете сил, усиленного брюссельского питания. В преддверии как минимум десятидневного массового возлияния, о последствиях которого уже предупреждают доктора и статистики. Но одно, маленькое замечание, – ньюсмейкер является дипломатическим представителем Российской Федерации в Брюсселе, т.е. высоким и ответственным дипломатическим и политическим лицом, возглавляющим постоянное представительство России при НАТО. В его должностных функциях – регулярно вести конструктивные переговоры с противоположной стороной! Я не уверен, что наращивание гонки вооружений способствует продуктивному и перспективному выходу из кризиса, как в экономическом, так и в политическом аспектах, включающих в себя проблемы взаимоотношений от Афганистана до Японии.

Ну и последнее, но не последнее, по крайней мере, для нас, пишущих, переживающих, и, надеемся, для Вас, читающих «Посев». О нас после более десятилетия относительного молчания опять заговорили: большая статья в газете «Правда» от 12 августа А. Реброва (тираж 100300 экз.), глава в популярно-аналитической программе А. Пушкина «Постскриптум» на ТВЦ (десятки миллионов зрителей) и тоже обратите внимание – 12, но уже декабря. Так что, видимо, сообщения о нашей преждевременной смерти, далеки от истины. «Посев» жил и будет жить, сея в умах «бесцензурную правду», или, по крайней мере, свободные рассуждения о России и Мире.

Ну а теперь с Рождеством! С Новым годом! С Рождеством! Со старым Новым годом! Здоровья Вам и нам, благоденствия, терпения и радости, приятных событий, встреч и путешествий и интересных материалов в нашем общем «Посеве». Ну и ре акций 12 месяцев по 12-м числам!

С уважением и пожеланиями, за Ваше здоровье!

P.S.: 20 декабря в советский праздник «день чекиста» на передаче «Эхо Москвы» посвящённой памяти А.Д. Сахарова и Е.Т. Гайдара, ведущие поставили вопрос: В какой России Вы хотели бы жить – Путина и Медведева, или Сахарова и Гайдара – разумеется, компьютерное голосование оказалось заблокированным. Интересно, а как бы проголосовали Вы, дорогие читатели?

Содержание номеров за 2009 год

Александров К. «Воспитательная мера» (События, комментарии 1, 3); Красные партизаны... стали сталинскими спецназовцами (Книги и люди 3, 35); Трагедия России в XX веке и ее значение для современной православной миссии (День скорби и непримиримости 11, 25)

Амнуэль Г. Афганистан (Общество, политика, власть 3, 11); Ещё раз о культуре, театре, кино, истории, людях и странах (Пространство культуры 3, 44); Кризис (Общество, политика, власть 7, 26); Не праздничные размышления к юбилеям (70 лет начала II Мировой войны 9,23); Картина исканий русской интеллигенции, или НАШИ и НЕ НАШИ (События, комментарии, интервью 10, 4); О праве и не праве, о кино, выборах и жизни (Пространство культуры 11, 38)

Амусья М. Я. Наука и обслуга (Общество, политика, власть 11, 13)

Амусья М., Перельман М. Persona non grata (Общество, политика, власть 7, 23)

Арсеньев А. Баку следует навсегда забыть о Карабахе (Точка зрения 11, 47)

Артёмова Т. Что искали на улице Рубинштейна? (События, комментарии 1, 6); Я выбираю ветер (Общество, политика, власть 2, 18); Заколдованные заповедники (Общество, политика, власть 4, 13); Как накормить человечество, не повредив его здоровью (Общество, политика, власть 7, 9)

Бабкин М. 2 (15) марта 1917 г.: явление иконы «Державной» и отречение от престола императора Николая II (Мосты в прошлое 3, 21)

Базанов С. Верные долгу (Книги и люди 2, 44)

Бар Е. У Польши в России много послов... (Общество, политика, власть 8, 25)

Бар Е., Грааля Х. 4 июня 1989 – экзамен, сданный на «отлично» (Общество, политика, власть 8, 17)

Бедросьян Б. Пейзажи в творчестве художника Дмитрия Евтушенко (Пространство культуры 2, 41); Краснохолмский Николаевский Антониев монастырь (Пространство культуры 9, 37)

Беккер Е. «Показуха» (Письма и встречи 6, 45)

Беркхофф К. «Нацизм остаётся для нас самым большим злом» (События, комментарии, интервью 10, 19)

Блюм А. Главлит на страже КГБ (Мосты из прошлого 2, 34)

Боярский Т. О реформировании ООН (Общество, политика, власть 2, 15)

Браун Н. «Я не инакомыслящий, я – мыслящий, это опаснее...» (Мосты из прошлого 4,21)

Буровский А. Дети Российской империи (Общество, политика, власть 4, 7)

Васильев А. Журнал русской славы (Мосты из прошлого 2, 39); Лампочка Государя Императора (Мосты в прошлое 3,18); Виноватая Америка (Мосты из прошлого 4, 27); Слегка помогли... (Мосты из прошлого 4, 37); И один в море – воин (Мосты из прошлого 7, 32); «Toyota» и другие солидаристы (Общество, политика, власть 11, 11); Особые отношения (Мосты из прошлого 12, 12)

Вдовин Ю. Пособие для «фальсификаторов» (Мосты из прошлого 7, 29)

Вербицкий. Главному редактору газеты «Аргументы и факты» (Письма и встречи 6, 47); Книга, которую следовало написать и издать в России (Книги и люди 8, 45)

Вертячих А. Плач Калева (Общество, политика, власть 3, 5)

Вовк М. Неизвестные партизаны (Мосты в прошлое 3, 31)

Гальцева Р. Солженицын: пророческое величие (Философия и мировоззрение 12, 34)

Гогун А. Йорг Баберовски: Красный террор (Книги и люди 1, 39)

Горянин А. Азербайджан и Армения на весах реальности (Общество, политика, власть 7, 17)

Диц И. Хождение по мукам демократии (Общество, политика, власть 6, 7)

Драгомирецкий В. Афганское общество в восприятии советских солдат и офицеров (Мосты из прошлого 1, 25)

Жилкина Т. «Журнал с прекрасной и трагической судьбой» (Пространство культуры 4, 35)

Закатов А. К чему ведет «антироманиада» (Общество, политика, власть 3, 13)

Иванов. Реконструкция нации (События, комментарии, интервью 6, 4); Формула русской истории, или, Нужна ли нам бедная демократия? (По следам наших публикаций 6, 28)

Ивашенко Н. Взрослая болезнь кривизны (Общество, политика, власть 2, 23)

Каграманов Ю. Стоит мир до рати? (Общество, политика, власть 1, 12)

Касабова Г. Историю Норильска пишем коллективно... (Мосты из прошлого 4, 27)

Кваскова Е. «Лучшая поэзия – молчание...» (Пространство культуры 3, 41)

Князев Е. Нил Сорский: «Бог да простит всех»... (Религия и церковь 7, 38); Голос совести: о страстотерпцах Борисе и Глебе (Религия и церковь 10, 30)

Кокунько Г. Первый том воспоминаний Ф.А. Щербины (Книги и люди 3, 41)

Королёв В. Начальный период II Мировой войны (70 лет начала II Мировой войны 8, 33)

Кривошеин Н. Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман (Мосты из прошлого 1, 21); Харон – исправный перевозчик! (По

* В скобках после названия публикаций указана рубрика, номер журнала и номер страницы.

следам наших публикаций 9, 47); Ум, честь и совесть. Имеется в виду не КПСС (Общество, политика, власть 11, 9)

Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Поляки в Кавказской войне (Мосты из прошлого 12, 18)

Крымков. Украинское казачество: «Куда ведешь нас, атаман?» (Ближнее Зарубежье 9, 31)

Кудряшов. Две презентации (Общество, политика, власть 10, 26)

Кулиш Ю. Из пережитого (70 лет начала II Мировой войны 8, 40)

Кулыгин А. Любовь к «отеческим гробам» (По следам наших публикаций 11, 48)

Леонидов В. Олег Ильинский (1932–2003) (Книги и люди 2, 45)

Леонтьев Я. Август 1991 (Общество, политика, власть 8, 4)

Максимов В. Озарения в бездне (Общество, политика, власть 5, 21)

Маркедонов. «Русский вопрос» и его решение на Северном Кавказе в постсоветском пространстве (Общество, политика, власть 2, 10); Исторический фронт «Пятидневной войны» на Кавказе (Общество, политика, власть 4, 10); Армения и Турция (Общество, политика, власть 5, 26); Россия в Абхазии и в Южной Осетии: новая повестка дня (Общество, политика, власть 6, 9); Ингушетия под прицелом (Общество, политика, власть 7, 15); «Первая годовщина» кавказской «пятидневной войны» (Общество, политика, власть 7, 25); Осень молдавского коммуниста (События, комментарии, интервью 10, 12); Турция: новая геополитическая роль (Общество, политика, власть 11, 7)

Махнач В. Имперская традиция в России (Философия и мировоззрение 6, 12);

Мелконян Ж. Вдохновение жизнью (Пространство культуры 9, 39)

Минаева Н. Взгляд на будущее России (Книги и люди 3, 37)

Мирослав Костелка Я люблю вызовы, которые преподносит моя карьера (События и комментарии 3, 3)

Мюллер Р-Д. Субъектно-субъектные отношения (70 лет начала II мировой войны 8, 31)

Никитин К. Рыцарь Белого Воинства (Пространство культуры 3, 45)

Никольский Н.Т. Черногория: вчера и завтра (Мосты из прошлого 11, 19)

Носкова Н. Север Урала – это могила, братская, для раскулаченного крестьянства (Письма и встречи 11, 46)

Ожигбесова О. Мы, крестьяне Великой Сибири (Мосты из прошлого 10, 36)

Окулов А. Келлер (Герои долга 1, 31)

Оскоцкий В. И снова о мудром, родном и любимом (Книги и люди 6, 34)

Партис З. Черубина де Габриак. История второй дуэли на Чёрной Речке (Пространство культуры 11, 33)

Печерский А. Грозит ли стране «ГКЧП-3»? (Общество, политика, власть 8, 9)

Полчанинов Р. Мои встречи с Д.А. Левицким (Мосты из прошлого 1, 20); Возвращение разведчества-скаутизма в Россию (События, комментарии, интервью 5, 8); В.М. Байдалаков в Сараеве (НТС 6, 42); «...рожденная несправедливостью» (Письма и встречи 6, 45); Столетие детско-юношеского движения в России (Мосты из прошлого 7, 28); Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (Книги и люди 9, 40); Константин Васильевич Болдырев (НТС 9, 45)

Порохин С. Генерал Дроздовский (Мосты из прошлого 1, 18)

Пуговкин А. Катынский Колокол (Мосты из прошлого 6, 23)

Пушкарёв Б. Памяти друга (Памяти друга 7, 3); Самый главный праздник (Общество, политика, власть 8, 3); Двоящееся сознание (События, комментарии, интервью 10, 3); 100 лет со дня рождения о. Александра Киселева (НТС 10, 43)

Пятковский А. Тадэуш Людвинович (Книги и люди 9, 43)

Реутова П. Советская школа 1920-х годов в письмах учителей и Крупской (Мосты из прошлого 2, 28)

Роднянская И. Ленин: художественно-исторический портрет за гранью идеологий (Философия и мировоззрение 12, 28)

Рудницкий. Что мы потеряли? (Общество, политика, власть 4, 18); Праздник со слезами на глазах (Мосты из прошлого 6, 20)

Садовская Ю. Николай Николаевич Никулин (Памяти друзей 4, 50)

Свиридова А. Шаламов (Пространство культуры 4, 31); Марек Эдельман – последний лидер восстания в варшавском гетто (События, комментарии, интервью 10, 7)

Сендеров В. Несколько относительно новых о демократии и о России (Философия и мировоззрение 2, 6); «Если и все – то не я!» (Философия и мировоззрение 4, 40); Война и мир Нагорного Карабаха (Книги и люди 5, 47); Революционный национализм (Общество, политика, власть 9, 28); «Странное царствование», или Завещание Николая (Мосты из прошлого 11, 16)

Сергеев А. Величие и ничтожество русского интеллигента (Юбилей года 12, 43)

Слущкий Б. Заметки о выборах (События, комментарии, интервью 5, 11)

Соколов Д. Зрелищный спорт под сенью серпа и молота (Книги и люди 1, 35); Обратная сторона победы (Мосты в прошлое 3, 33); Анатомия террора (Книги и люди 4, 42); Маршал Пилсудский – политик и полководец (Книги и люди 6, 31); Каким был адмирал Колчак (Книги и люди 10, 44); (Мосты из прошлого 11, 22); Книга «Спор о варягах» (Книги и люди 11, 40)

Тараненко А. Порт-Артур (По следам наших публикаций 3, 43)

Таратухин К. Мятеж или восстание? (Мосты из прошлого 5, 29)

01/2010

Тимофеева Е. «Стодоймовками глоток старье расстреливай!» (Мосты из прошлого 5, 34)

Трибрат Т. Уважаемые сотрудники Администрации Президента! (Общество, политика, власть 8, 16);

Ушаков И. К 90-летию со дня гибели генерала М.Г. Дроздовского (Пространство культуры 6, 27)

Ушаков Н. Решать проблемы по мере их возникновения (События, комментарии, интервью 10, 14)

Хандриков И. Великий перелом костей (Мосты из прошлого 12, 8)

Харичев И. Еще раз о западных ценностях (Общество, политика, власть 12, 6)

Хлебина А. Пятьсот страниц, посвященных правде (Книги и люди 3, 39)

Хмельницкий Д. Приветствие вождам (Три вождя 1, 17)

Ходаков И. (Религия и церковь 7, 41)

Цветков В. Правовые основы отречения. Допустимость отречения за Цесаревича (Мосты в прошлое 3,25)

Чичерюкин-Мейнгардт В. Чья бы корова мычала (Общество, политика, власть 3, 8); По владимирским местам Подмосковья (Мосты из прошлого 5,41); Парад в честь парада (Общество, политика, власть 12, 5)

Чубайс. Чтобы понять самих себя, или есть ли в России социальная наука? (Общество, политика, власть 10, 21); Послание президенту (Общество, политика, власть 11, 3)

Шаву В. Выход из кризиса: аварийный люк заварен (Общество, политика, власть 1, 8)

Шакиров О. Немец с русской душой (Герои долга 1, 29)

Шауб И. «Чудовище, но какой писатель!» (Юбилей года 12, 46)

Щукин Р. Киргизстан – мечта советского детства (Ближнее Зарубежье 9, 34)

Юльев В. Уроки Гоголя (Памятная дата 2, 4)

В Совете НТС (События, комментарии, интервью 5, 5)

Взгляд со стороны (События, комментарии, интервью 4, 3)

Вопросы из не столь далекого Зарубежья (События, комментарии, интервью 5, 3)

Говорят читатели журнала «Грани» (Пространство культуры 4, 37)

«Две России XX века» (Книги и люди 2, 43)

Друзья и читатели «Посева» поздравляют (Книги и люди 2, 43)

«Имена России, художники, чуть-чуть о газе, и ещё о важном» (Письма и встречи 2, 47)

К 130-летию «Богоданного Вождя» (Мосты из прошлого 12, 23)

Красный террор на Урале (Письма и встречи 1, 44)

Листовки НТС в Афганистане (Мосты из прошлого 12, 22)

Международная научная конференция «История сталинизма. Итоги и проблемы изучения». Москва, 5–7 декабря 2008 г. (События и комментарии 1, 7)

Модернизация сознания. Отклик Совета НТС на обращение Президента России Д.А. Медведева

«Россия, вперед» и его Послание Федеральному Собранию России (События и комментарии 12, 3)

Моё открытое письмо всем членам Народно-Трудового Союза (Письма и встречи 1, 44)

Надгробия поставлены (События, комментарии, интервью 6, 4)

Начало общественной активности (1987–1988 гг.) (События, комментарии, интервью 5, 16)

Один день в Государственной Думе (События, комментарии, интервью 5, 10)

О новой Комиссии при президенте Российской Федерации (События, комментарии, интервью 6, 3)

Поездки (Письма и встречи 11, 43)

«Посев» в Институте Стран Азии и Африки МГУ (События и комментарии 7, 6)

Последний солагерник Солженицына (Книги и люди 2, 46)

Потери культуры (События и комментарии 7, 4)

Президент внёс в Госдуму первый пакет поправок, смягчающий закон об НКО (События и комментарии 7, 5)

«Прекратить преследование учёных и вмешательство в исторические исследования» (Письма и встречи 11, 47)

Провинциальная школа (Письма и встречи 4, 46)

Реабилитация сталинизма вместо реабилитации репрессированных (Письма и встречи 1, 46)

Советско-германские документы 23.08.1939–28.09.1939 (70 лет начала II Мировой войны 9, 21)

Столетие ОРЮР (События, комментарии, интервью 5, 7)

Уважаемые депутаты Новосибирского областного Совета депутатов! (Письма и встречи 1, 48)

Что сделал НТС в России за последние 20 лет (События, комментарии, интервью 5, 6)

Юбилей (Письма и встречи 11, 44)

1 сентября 1939 г. и 22 июня 1941 г. — причины и следствия (70 лет начала II Мировой войны 9, 3)

«Libido dominantis» (Письма и встречи 1, 48)